ПАМЯТКА КОНТРОЛЕРУ

СПЕКУЛЯНТ

ОЧКОВТИРАТЕЛЬ

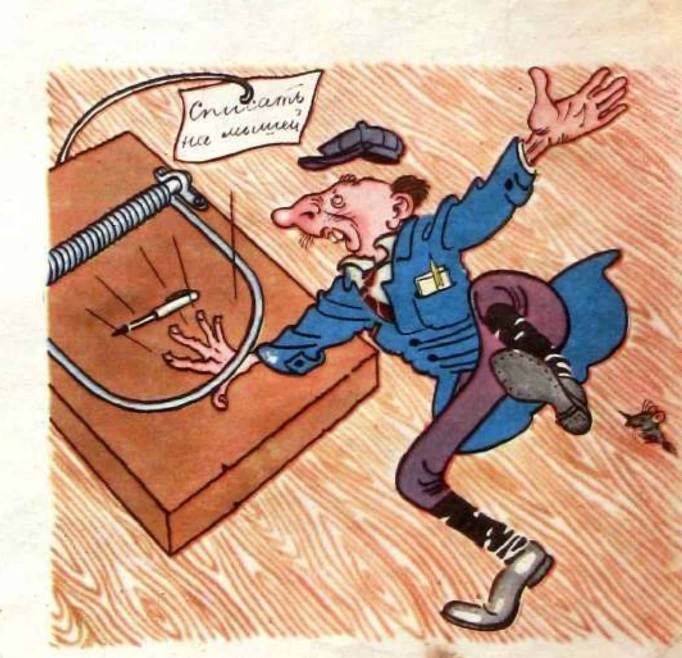
ДАРМОЕД

БЮРОКРАТ-ВОЛОКИТЧИК

ВЗЯТОЧНИК

ВОР

КРОКОДИЛ

№ 4 (1690) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 10 ФЕВРАЛЯ 1963

ПАМЯТКА КОНТРОЛЕРУ

За последние три года, как сообщил мне один знакомый, выпущено 1 229 180 памяток, инструкций, наставлений и всяких других руководств. Ведомственная литература предусмотрела все ситуации, положения и состояния, в которые может попасть человек. Она подарила миру памятку лифтеру, памятку вахтеру, памятку отпускнику и даже памятку... утопающему.

Я, как мог, боролся против бюрократического потока наставительно-правоучительных листков и брошюр, но сейчас считаю, что необходимо срочно составить еще одну памятку.

Противоречия тут нет: я не против памяток вообще. Я против плохих, ненужных. И за хорошие, нужные. А эта мне представляется весьма необходимой.

Как известно, к делу контроля сейчас привлекаются люди разных профессий, в том числе и художники. Вот они-то, мои художники-сатирики, и разработали «Памятку контролеру». Общественному контролеру, одному из миллионов активистов — деятельных помощников Комитета партийно-государственного контроля.

Опираясь на широкую общественность, органы партийно-государственного контроля будут вести беспощадную борьбу с бюрократами, волокитчиками, тунеядцами, взяточниками, ворами, спекулянтами, очковтирателями, бракоделами, с теми, кто проявляет местничество и бесхозяйственность. Зоркий глаз контролера должен сразу распознавать эти явления для того, чтобы по ним был нанесен сокрушительный удар.

В памятках и наставлениях, которые издаются военными штабами, обычно рисуют силуэты танков противника, его самолетов и кораблей. Увидев в бинокль летящий самолет, офицер заглядывает в памятку и немедленно определяет, открывать огонь или нет.

Примерно по такому принципу мои художники и построили свою памятку. Вот вам, друзья, мишени, по которым надо бить без промаха. Они, эти «мишени», выполнены художниками Кукрыниксами, М. Черемных, К. Ротовым, Б. Пророковым, И. Семеновым, К. Елисеевым и помещены на обложках сегодняшнего номера.

Взгляните на эти рисунки. Ба, знакомые лица! Спекулянт продает заграничную комбинацию. Широко раскрыл рот дармоед Ложкин. Косит глазами взяточник, этот взгляд расшифровать нетрудно: «Дай пять» (а то и десять). В своем обычном репертуаре очковтиратель.

А как выглядит удельный князек? Он тоже в своей обычной роли: обхватил руками фабрики, шахты, заводы и говорит: «Мое!» Обратись к нему сосед за помощью — не поможет. До других ему нет дела.

А вот человек с совсем уж узкими интересами. Одна мысль сверлит его голову: как бы выпить?

Итак, объекты известны. Готовься к бою, контролер!

КРОКОДИЛ

— Спрашиваете, чем вызвана текучесть рабочей силы? Детский вопрос!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Шумоград

В районном центре Шумограде
На все готовы шума ради,
И, есть ли повод или нет —
Устроят митинг иль банкет.
Там без кондуктора недавно
Ввели автобусный маршрут.
Ах, сколько было слов заздравных:
Мол, Шумограду нету равных,
И что за шум поднялся тут!
Цветы, приветствия, подарки,
Местком письмо послал в райком,
Два дня шел митинг в автопарке,
А пассажиры шли пешком...
Жить Шумоград не может тихо,
Дня не прошло — опять шумиха,
Опять сенсация и бум,
Идет-гудет районный шум.
Дом сдали раньше срока на день —
Ликуют месяц в Шумограде,
Концерт, гулянье, митинг, бал,
Потом квартал идет аврал...
Не спит на складе сторожиха —
Опять «ура», опять шумиха,
Премировали, пировали,
А склад меж тем обворовали...
Сдал пионер мешок бумаги —
Уже готовы вешать флаги.
Десятку сын послал старушке —
Готовы год палить из пушки.
...На карте Шумограда нет,
Его придумали мы сами.
Но там, где каждый день банкет,
Где разглагольствуют часами,
Где не стихает шум оваций —
Там прописались шумоградцы!

г. Ленинград

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР

В СТАДИИ ОБДУМЫВАНИЯ

В Ленинградском доме торговли на самом видном месте выстроилась шеренга из шести ящиков. Красивые ящики. Разноцветные. С огоньками. Четыре торгуют одеколоном, два — карандашами. Тридцать минут я наблюдал. Подсчитывал число людей, обслуженных прогрессивно — через ящики. Число оказалось равным единице. Единицей был я.

Еще пример: Литовский и Калининградский заводы торгового машиностроения выпускали автоматы для продажи открыток. Тысячи автоматов выпустили. Стали смотреть, что из этого выйдет. Ничего не вышло. Не покупали открыток. Сняли автоматы с производства, списали оснастку в металлолом. 12 тысяч рублей вылетели в трубу. Только в одну трубу, только на одном заводе.

И еще пример. Газетные полуавтоматы. Полчаса в сутки они честно облегчают труд киоскеров. Больше облегчать не могут: автоматов много, газет нет. «В десять раз,— говорят в «Союзпечати»,— в десять раз больше нам нужно этих полуавтоматов. Очень уж они облегчающие!» Примерная стоимость в рублях уже выпущенных газетных полуавтоматов — миллион.

Все! Цифр больше не будет. Будет откровенное собеседование на тему о развитии торговой автоматики.

КУПИТЕ АГРЕГАТИК!

— Мы тут ни при чем,— сказал директор Калининградского завода торгового машиностроения Б. Гусев. — Мы стараемся. Такой агрегатик изобрели — ахнете! Сейчас покажем.

У стенки стоял увеличенный в пять раз радиоприемник крупнообтекаемой формы. Очень изящный, цвета морской волны с брызгами шампанского. Как и предсказал директор, я ахнул.

— А это не приемник,— сказал мне начальник экспериментального участка Г. Сомов. — Это головной автомат по торговле конфетками. Принцип тут простой: опускаешь монету, автоматически включается электропитание от сети, в бункерах создается направленная вибрация, срабатывают вот эти реле, а в результате замыкаются вон те реле...

Потом мне показали автоматизированный шкаф для торговли папиросами. В нем было 60 реле, электромоторы, кассеты, опять моторы, проводочки, еще моторы, монетник и магнитное поле, которое зимой к чему-то там примерзало.

Тоже получился хороший автомат. Только не работает. «Сложный, гад!» — объяснил мне один из рабочих.

— Кому-то крупно повезло,—сказал я.— Кто ваш заказчик?

— А шут его знает! — ответил директор.— Вот я соберусь да и поеду со своей продукцией по городам и весям. Глядишь, где-нибудь и клюнет.

— В наступившем году чем порадуете покупателя?

— Столами. Тридцать шесть тысяч столов выпустим.

— Автоматизированных? Со скатертями-самобранками?

— Да нет, обычных. На которых обедают. Надо же загружать производственные мощности. А то стоять будем.

— *А план?*

— Э! — сказал директор.— Нету плана. И вообще может случиться, что наши автоматы уже кто-нибудь до нас изобрел.

МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ

Мы — это товарищ Горбунов, начальник управления по автоматизации и оборудованию для предприятий торговли, общественного питания и коммунального хозяйства Государственного комитета по автоматизации и машиностроению при Совете Министров СССР, и я. А также и вы, уважаемый читатель.

— Да, на пороге, — повторил товарищ Горбунов. — На пороге нового этапа. А всякие там карандашные автоматы, открыточные, спичечные и прочие штучки-дрючки для нас уже этап пройденный. Конечно, на пути к новому, как всегда, имеются трудности. Скажем, в вопросе теории. Ведь что сделали классики? Казалось бы, все: прибавочная стоимость... средства производства... товар — деньги — товар. Все предусмотрели. А про организацию торговли при социализме ничего у них нету.

И товарищ Горбунов, вздохнув, посмотрел на портреты классиков.

— Вот торговцы и не знают, — продолжал он, — как надо торговать через автоматы. Автоматы простаивают. А торговать надо ходовыми товарами и круглосуточно. Вот. Чего и не учитывает Министерство торговли.

— Как надо торговать с помощью автоматов? — переспросил тов. Лисенков, заместитель начальника управления организации торговли Министерства торговли РСФСР. — Торговать надо так: ходовыми товарами и круглосуточно. Вот. Значит, автоматы надо ставить на улице. А как их поставишь, ежели они сырости и холода боятся? Комитет по автоматике во всем виноват. Он этого-то как раз и не учитывает.

ШАГ ЗА ПОРОГ

Когда я бывал на заводах, я еще не беседовал *с товарищем Горбуновым и не знал,* что в это дело классики замешаны. На заводах этого тоже не знали. Там думали, что Комитет по автоматике виноват. Или Министерство торговли. Или Госплан. Или еще кто.

Насчет этапов там тоже слабо разбирались: какой пройденный, а какой еще нет. Мне тоже, честно говоря, это было неясно, и я попросил в Комитете по автоматике и в Министерстве торговли растолковать поподробнее, что же там есть, за порогом нового этапа. И что это за порог такой.

— Порог — это когда реорганизация, — объяснили и те и другие. — А что там потом будет, нам неясно еще. Вопрос этот сейчас в стадии обдумывания.

— *И кто же его обдумывает?*

— А это не у нас. Это где-то еще. Комитет по торговле недавно создали. Может, у них кто...

КТО-ТО ДУМАЕТ

Да. Очевидно, некто Икс думает. Сидит и размышляет о путях развития торговой автоматики, подсчитывает, сколько нужных, но негодных автоматов выпустили, сколько ненужных и негодных, сколько денег ухлопали, сколько дефицитных материалов. Развивали все-таки автоматику...

— А развитие такое, — сказали в Министерстве торговли. — В новом году будет *выпущено 8 600 автоматов для газированной* воды и 2 700 — для растительного масла.

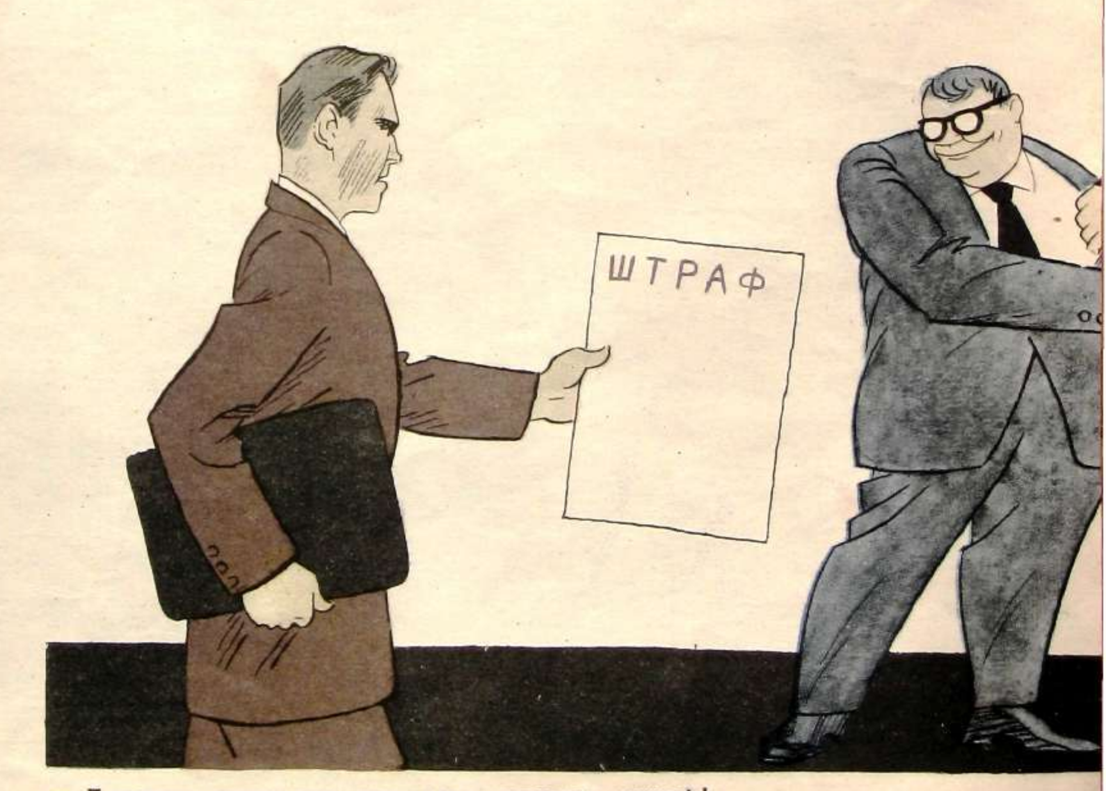
И все. Что об этом думает некто Икс, неизвестно.

А может, никакого Икса и нету, а?

Е. МАТВЕЕВ,

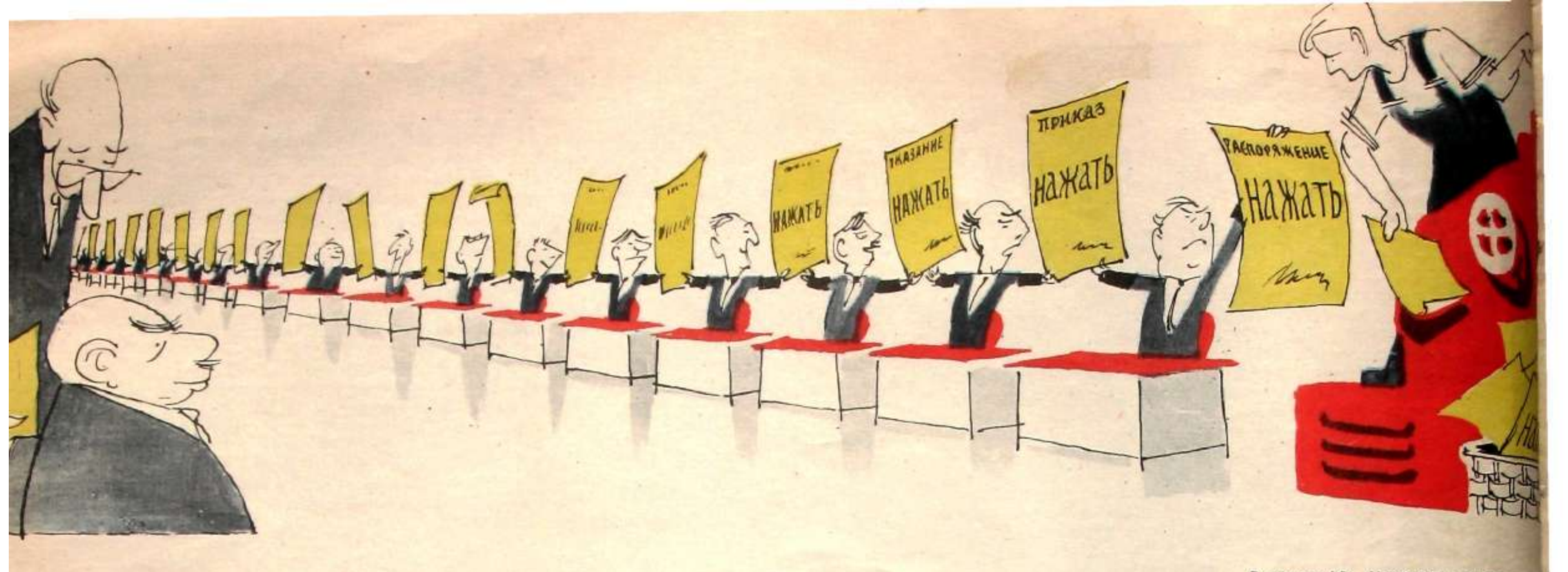
специальный корреспондент Крокодила

Калининград — Ленинград — Москва.

— Товарищ директор, придется уплатить штраф!
— Пожалуйста!

(смотри на обороте).

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вместе с дымом

«Главвладивостокстрой» взялся сооружать комбинат крупнопанельного домостроения. Строили-строили, а когда пришла пора сдавать первую очередь, выяснилось, что забыли... построить котельную.

Сколько было выкурено папирос, сколько выпито воды на совещаниях, подсчитать трудно. Но затраты эти были оправданны: выход нашли. Пригнали к комбинату четыре паровоза и ими заменили котельную. Работа пошла лихо: грузовики привозят уголь, специально поставленный портальный кран переваливает его в тендеры, уголь пылает в топках, а паровозы, вырабатывая пар, дымят в четыре трубы.

С тех пор прошло больше года. Много было установлено и сорвано сроков ввода в действие котельной. Много денег вместе с дымом вылетело в трубы четырех паровозов. А они дымят по-прежнему.

Но зато изобретательность какова! Каков взлет технической мысли!

В. КУЦЫЙ

г. Владивосток.

Рисунок А. КРЫЛОВА

СПОКОЙСТВИЕ МНОГИХ...

Казалось, что постовой милиционер уже давно перевыполнил свою дневную норму художественного свиста. Но гражданин, коему были посвящены пленительные трели, продолжал спокойно пересекать улицу, не подозревая, что он что-то нарушает.

По всему видно было, что это не опытный пешеход, а человек, уверенно шагающий от «Победы» к «Победе».

Сержант, потеряв терпение, пошел навстречу нарушителю. Приложив руку к козырьку и всеми силами сдерживая свой бас, он произнес старательно поставленным тенором:

— Почему, гражданин, вы переходите улицу в недозволенном месте? Платите штраф.

Гражданин не стал спорить. Он полез в карман, но вынул не деньги, а записную книжку и ручку, что-то написал, затем вырвал листок и, подавая его сержанту, сказал:

— Я директор одесской обувной фабрики. По этой записочке наша бухгалтерия вышлет требуемую сумму.

— А у вас разве нет с собою денег? — вежливо осведомился милиционер.

Директор бросил на него взгляд, черной молнии подобный:

— Я никогда не плачу никаких штрафов из собственного кармана. За все мои нарушения платит государство. В четвертом квартале прошлого года одному только Центральному универмагу в Москве я уплатил за выпущенную под моим руководством недоброкачественную обувь 8 800 рублей штрафа. Опять-таки ни одной копейки своей. Ясно?

— Ясно,— ответил сержант.— Это было ясно еще Козьме Пруткову, который не без основания утверждал, что «спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет».

— Мне сие дозволено! — с гордостью провозгласил директор одесской обувной фабрики.

— И мне дозволено! — с важностью присовокупил гражданин, также перешедший улицу в недозволенном месте.

— Здравствуйте! И за меня штраф внесет государство. Сколько стоит такое нарушение? Не продешевите, сержант. Ведь штраф не из моего кармана.

— Кто вы такой?

— Я тоже директор обувной фабрики. Из города Каунаса. Разрешите познакомиться. Заранее говорю: Козьма Прутков и меня, спасибо ему, имел в виду, когда говорил о «спокойствии многих...» ...В четвертом квартале прошлого года я уплатил... Конечно, не я, а моя фабрика... Итак, уплачено из кассы фабрики Центральному универмагу в Москве 8 400 рублей штрафа. Разумеется, в новых деньгах.

— За что?

— За брак. Из 7 136 пар обуви нашего производства нам вернули 2 078 пар. Пусть одесский директор не думает, что только он один выпускает плохую продукцию. Мы в Каунасе тоже не лыком шиты, тоже кое на что способны.

— На что именно?

— Многие граждане и гражданки утверждают, что, если нашу обувь держать все время в руках, ей износу не будет. Но стоит ей очутиться на чьих-нибудь ногах, как она тотчас же начинает скалить зубы, явно насмехаясь над потребителем.

— Да,— вздохнул одесский директор.— Еще попадаются привередливые покупатели и покупательницы, которые жалуются. Им подавай обувь без дефектов. А какие дефекты? Сущие пустяки. Отклейка небрежно приклеенных внутренностей, перекос союзок, искривление носков и задников...

— И вообще,— добавил сержант,— искривление наших принципов, требующих высокого качества продукции.

— Ну, хватит. Я спешу.

— И я тороплюсь.

— Я вас не задерживаю, дорогие граждане. Можете уходить. Но предварительно уплатите штраф. Из своего кармана.

— С непривычки это тяжеловато.

— Придется.

— Ладно,— сказал одесский директор.— Не буду вступать в пререкания. Уплачу.

И обратился с мягкой улыбкой к директору из Каунаса:

— Коллега, дайте мне на одну минуту рубль. А я сразу дам вам другой рубль, свой.

— Это зачем?

— Для уплаты штрафа. Я уплачу вашим рублем, а вы — моим. Понятно? Сейчас разъясню. Ведь нам обоим весьма конфузно расходовать на штраф свои собственные деньги. Так что я дам сержанту ваши деньги, а вы мои. Договорились?

Г. РЫКЛИН

Р. АЛЛЕР

КАК КИРВЕСТЕ В ИСТОРИЮ ВОШЕЛ

Тоомас Кирвесте изготовил свое две тысячи первое топорище. Топорища были как топорища — одно получше, другое похуже, в среднем же вполне приличные инструменты, обладавшие тем полезным свойством, что на них можно было насадить топор. И если бы бригадиру не пришло в голову отметить это две тысячи первое топорище Тоомаса, тот дожил бы свою жизнь в полной безвестности до самого конца... А отчет бригадира попал в руки начальника цеха.

Начальник цеха созвал собрание.

— Вы только подумайте, как иной раз может случиться,— сказал он.— Человек сработал две тысячи и одно топорище, а мы его должным образом не оценили!

Тоомас краснел и не понимал, за что его хвалят. В собрании принимал участие также председатель месткома. Он как раз составлял отчет о качестве продукции и решил этот факт использовать.

— Товарищи,— сказал он в своем докладе,— на нашем комбинате работают мастера высокой квалификации. Вот, к примеру, товарищ Кирвесте. Он сделал две тысячи одно превосходное топорище. О чем говорит этот факт, товарищи? Он свидетельствует о том, что...— И дальше следовал долгий разговор на тему: как было бы важно для народного хозяйства, чтобы каждый изготовлял только высококачественные топорища.

Отчет попал в главное управление. Управляющему мгновенно стала ясна суть вопроса. Выступая на республиканской конференции, он сказал:

— Дело не только в топорищах Кирвесте. Дело в том, что таких Кирвесте у нас, к сожалению, еще мало. Особенно мало их на производстве ложек, бочек и даже банных шаек. Вы только вообразите, что получилось бы, если бы у нас производились только высококачественные ложки, бочки и шайки...

На конференции присутствовал журналист-публицист, который нашел, что этот случай — повод для важнейшего обобщения. Он написал передовую статью, начинавшуюся словами: «Тоомас Кирвесте сделал 2001 топорище! 2001 добротное топорище! Кто такой Кирвесте? Это скромный человек, который трудится, как герой. Мы должны высоко поднимать людей, подобных Кирвесте...»

Однажды Тоомас раскрыл только что вышедший том Энциклопедии. На букве «К» он обнаружил и свою фамилию: «Кирвесте, Тоомас — человек, который изготовил 2001 прекрасное топорище».

...К этому времени Кирвесте сделал уже пятьдесят тысяч аккуратных, хорошо вырезанных топорищ.

Перевела с эстонского
О. ТООМ.

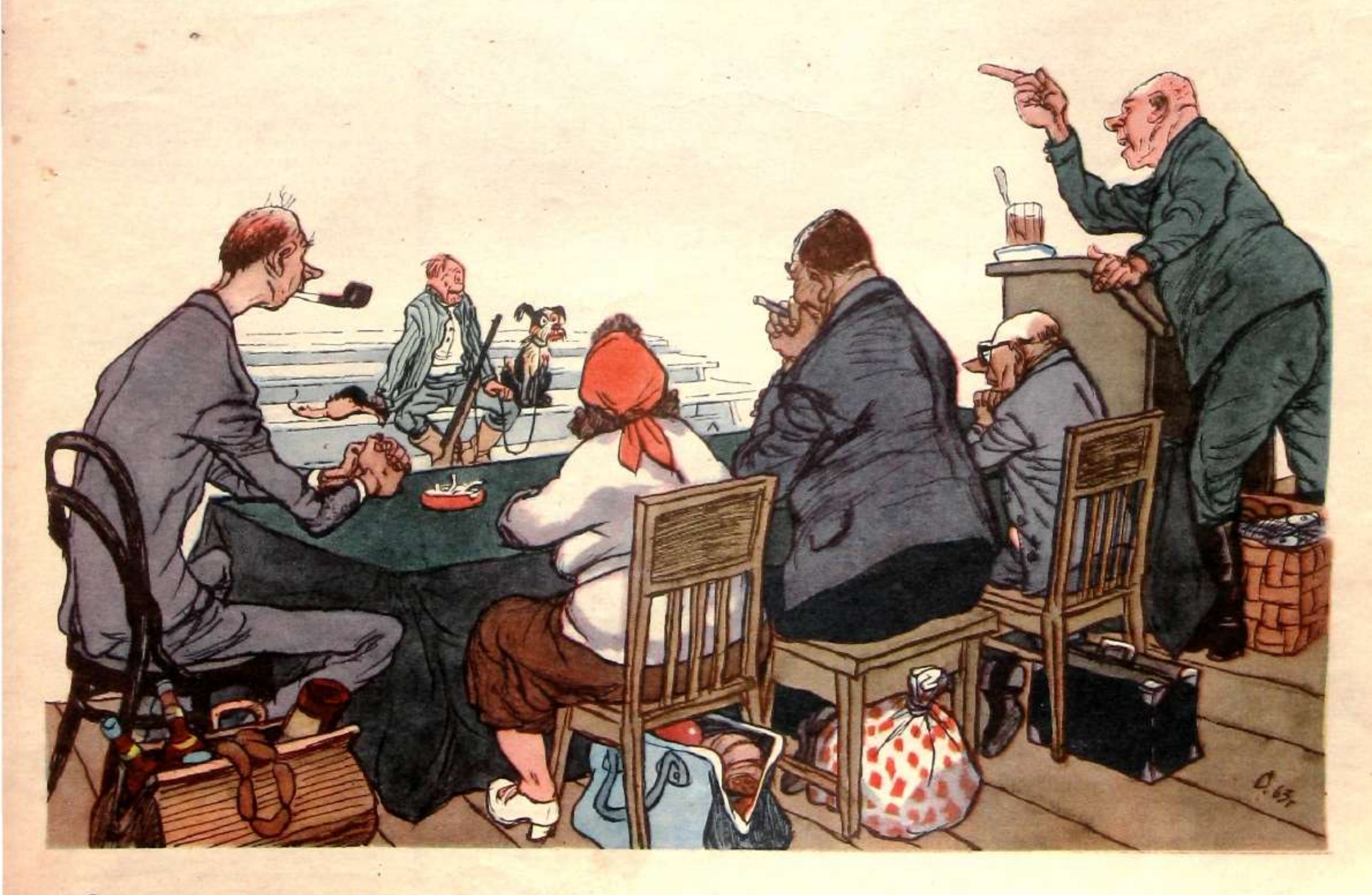
Абдул РАДЖАБОВ

Плач зурны

В дырявом чехле на стене
Висит одиноко зурна.
Как видно, не сладко живется
зурне,
И скорбно рыдает она:

Хозяин мой — пьяница жалкий,
Я больше терпеть не могу.
Как пыль из ковра вышибает
он палкой,
Так мной вышибает деньгу.
Хозяин не сеет, не пашет.
На танцах дурача народ,
Он летом в аулах и пьет и
шабашит,
Зимою шабашит и пьет.
Винищем разит от пьянчужки,
Он трезв не бывает ни дня.
Я даже немного хмелею,
подружки,
Как только он дунет в меня.
Мне с вами, подруги, играть бы,
Играть день и ночь без конца
В просторных фойе
комсомольские
свадьбы,
Концерты на сцене Дворца.
Услышьте тревожные звуки,
Избавьте меня от стыда,
Чтоб больше не смели нечистые
руки
Касаться зурны никогда!

Перевел с лезгинского
Н. КНЯЗЕВ.

— Опять у нас в магазине кто-то ворует!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПЯТНА НА СОВЕСТИ

(ИНТЕРВЬЮ С БРАКОДЕЛАМИ)

Посмотрите на живописные руины. Это не результат землетрясения. Так выглядит теплица при 110-й школе города Омска. Здесь трудились ветераны строительно-монтажного поезда № 28 треста Омсктрансстрой. Это они, скромные, ничем не выдающиеся труженики, не достроили теплицу и, сбросив рукавицы, ушли.

— Куда же вы, братцы? — рыдая, спрашивал их директор школы.

— Известно куда,— ответствовали братцы,— строить! Возводить...

Падая в рытвины нулевого цикла, директор бежал за «братцами» и умолял:

— Достройте, родимые! Ведь деньги еще есть — три тысячи рублей! Да и работы на три дня...

Но строители не вняли, не снизошли.

Прошло больше года. Сердце директора разбито: он так мечтал вместе со своими питомцами разводить в теплице огурцы и, может быть, даже бананы! Но какие теперь бананы!

Директор написал письмо Крокодилу.

И вот я в 110-й школе города Омска.

Стряхивая мел с ушей, в кабинет химии входят дети, ученики, беспокойные сердца. Слышится деловитое журчание: кап, кап... Реактивы? Окиси?

— Какие там окиси! — с отвращением говорит педагог.— Что капает с потолка, дети?

И беспокойные сердца, в едином порыве встав из-за парт, хором кричат:

— H_2O!

Эта самая «аш два о» не только капает, но аккуратненько затопляет школу в романтическую пору осени и весны.

Кто же повинен в этой мерзости запустения? Неужели только строители и монтажники поезда № 28? Нет, одним им не под силу натворить столько безобразий. Выслушаем же компетентные мнения. Для начала побеседуем с истцом, директором школы Николаем Парфеновичем Кузнецовым. Кто же виноват?

— Иван Иванович Моргачев, начальник поезда № 28 Омсктрансстроя, — говорит директор.— Это его рабочие строили школу и теплицу, а потом бросили все и уехали, оставив уйму дефектов. Подвалы залиты... Водомерный узел не утеплен... Пусть багровая краска позора ляжет на лица работников поезда № 28. Эти бессты...

— Успокойтесь, Николай Парфенович, выпейте воды. А мы тем временем побеседуем с Иваном Ивановичем Моргачевым. Вот он.

Его речь необычайно колоритна. Он пересыпает ее такими вибропрокатными словечками, что даже самые закаленные прорабы стыдливо хихикают.

— ...Это мы-то бесстыдники? Да я из этих учительских душонок фундамент сделаю, я их с цементом съем......! Вы мне деньги подавайте! Были, говоришь? Правильно. Были. Да в 1962 году сплыли! А задарма никто работать не обязан. Рабочая совесть? У нас-то она есть. А есть ли она у работников горисполкома? Идите в УКС исполкома, к Исааку Миронычу Ходосу. Это он во всем виноват. Не дает денег, и баста!

— Друзья! — любезно сказал начальник управления капитального строительства Исаак Миронович Ходос.—

К чему весь этот шум? Все мы горячо любим детей! Есть же у нас совесть! Деньги горисполком нашел бы, но, поверьте, виноват директор школы. Почему не сигнализировал?.. Документ? За моей подписью? Дайте-ка взглянуть... Так... «Исполкомом горсовета средства на окончание работ по теплице на 1962 год не выделены. Ввиду этого УКС не может финансировать в этом году указанную школу...» Гм... 19 апреля 1962 года... И подпись моя. Очевидно, нашло на меня затмение, вот я и подписал. Не верите?.. А что, потолки тоже протекают? Ну, тогда позор начальнику Омсктрансстроя Виктору Васильевичу Лазутину. Нет у него совести. Не достроил, обидел детишек. Это он!..

Итак, Виктор Васильевич Лазутин. Он тоже приложил свою начальственную длань к руинам школьных помещений.

— Да, это я, Виктор Васильевич Лазутин. Бедные дети! Не могут разводить бананы? А также огурцы? Какой ужас! И потолки протекают? А вообще-то строим мы очень много. И жалоб, конечно, тоже много. Да мы же тут ни при чем! Наша совесть спокойна. Это все отделочники и сантехники! Кроме того, качество стройматериалов... оно явно не на высоте. А бананы — это, конечно, вещь!

Наши интервью подошли к концу. Подведем итоги. Или, выражаясь языком строителей, произведем некоторые отделочные работы.

Говорят, в Омске ударили холода. Как-никак Сибирь! Отсталый, неграмотный технически и культурно дед-мороз забавляется. Он походя разрисовывает румянцем фасы и профили служивых омичей.

И только перед тремя омичами дед-мороз отступает в бессилии и ужасе. А те независимо и гордо шествуют к своим служебным машинам. Лица их бледны даже в самую обжигающую стужу. Это герои нашего фельетона.

Их лица утратили способность краснеть.

Интервьюировал бледнолицых специальный корреспондент Крокодила.

Вл. МИТИН

г. Омск.

ПОЧЕМУ СЕРД

Бог морей Нептун решил выехать в командировку.

Решено — сделано. Надели Нептун и сопровождающие его лица акваланги и ласты да приплыли в Азовское море, в устье Дона.

— Помню, помню,— потирал себе ласты морской бог,— это самые рыбные места на свете. Лещик, судачок, царь закуски рыбец и царица осетрина. А ну-ка, подайте их сюда!

Сопровождающие молча переглянулись. Положение спас неизвестно откуда приплывший Старый Сом. Он пошевелил усами и сказал:

— Ваше глубоководие! В последние годы здесь и так было не густо, а после того, как гостевала экспедиция Киевской киностудии и засняла научно-популярный фильм «Азовское море», вовсе оскудение наступило.

— При чем тут киноэкспедиция?— сердито спросил Нептун.

— А при том, что после съемок списано одних икряных осетров и севрюг 43 штуки, а всего 748 килограммов ценной рыбы. Списал директор комбината по воспроизводству рыбных запасов Иван Тимофеевич Козубов. Погибли, мол, при съемках рыбки, погибли как жертвы науки.

— А икорка? — спросил, облизываясь, Нептун.

— А икорка в первую очередь гибнет. Неустойчивый товар. Легко подвергается... списанию. Впрочем, ваше нептунство, ежели желаете, мы можем насчет списаний и не то рассказать.

И, не дожидаясь разрешения, Старый Сом повел рассказ:

— Восемь тысяч центнеров пищевой рыбы, стало быть,— сельди, ставриды, бычков, хамсы — пришли в негодность в 1961 году по вине нерадивых работников Ростовского управления рыбной промышленности. И все восемь тысяч пришлось списать-переработать на муку для корма птицы.

— Кто старое помянет, тому глаз вон,— великодушно молвил Нептун.— В 1962 году дело, наверно, было поднято на более высокий уровень?

— Так точно, на более высокий,— почтительно подтвердил Сом,— за первое полугодие 1962 года пришло в негодность пищевой рыбы 1 710 центнеров! На 40 тысяч рублей в новых деньгах.

— И кто же там у них, у нерадивых, ходит в начальниках?

— Начальником управления бессменно Семен Кондратьевич Карелин, а главным инженером — Иван Антонович Паршин.

— Они, наверно, наказаны?

В свите Нептуна захихикали. Бог морей грозно сдвинул брови, и Старый Сом поспешил с объяснениями:

— Семен Кондратьевич — человек закаленный. Его никаким фельетоном, никакой критикой не пробьешь. Пробовали! Он такое рыбье слово знает! А что касается Ивана Антоновича...

— Выгнали? — с надеждой спросил Нептун.

— Вы хотите сказать — сняли? Никак нет, перевели! В порядке выдвижения. В Москву, в Госкомитет по рыбному хозяйству.

Затем Старый Сом, дабы отвлечь внимание Нептуна от неприятных мыслей, предложил осмотреть местные рыбьи ясли и взял на себя обязанности гида.

— Так называемые рыборазводные заводы и нерестово-вырастные хозяйства,— начал он бормотать с видом

НЕПТУН ...ТСЯ...

лектора,— стоили около шести миллионов рублей на новые деньги. Заводы выпускают в Дон молодь осетровых рыб и рыбца, а рыбхозы — мальков леща и судака.

Сом надел очки и стал читать последние отчеты С. К. Карелина и его неизменного сподвижника, директора Азовского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (АЗНИИРХ) Д. И. Иванова. По отчетам выходило, что ежегодно план выпуска промысловой молоди перевыполняется!

— Так почему же нет рыбы? — сердито прервал Нептун, но тут ему доложили, что прибыла делегация от мальков.

— Где? Где они? — спросил с недоумением бог морей, оглядываясь по сторонам.

— Мы — маленькие,— зашептали невидимые мальки леща и судака,— нас потому не видно, что мы весим каждый всего по 0,2—0,3 грамма. Карелин велел и нас учитывать для плана!

— Странно,— бестактно заметил неуклюжий Сом,— везде в руководствах сказано, что мальки должны выпускаться в реку и учитываться весом не менее *одного-полутора граммов* каждый...

Суета на берегу заставила забыть о мальках. Подошел бойкий парень. Зачерпнул воду ведром, а из ведра — в баночку полулитровую налил.

Сом объяснил:

— Этот человек не простой, ваше нептунство. На нем одном да на его баночке все Азовское море держится! Учетчик он. Считает, сколько за минуту мальков выловил. Отсюда и все расчеты: сколько за час, а потом — за сутки. Ба-альшое получается перевыполнение плана выпуска мальков!

— Хитро,— сказал Нептун.— А где же все-таки рыба? Сколько ее выловили ну хотя бы в 1962 году?

— Ровно в два раза меньше, чем по плану,— доложил ученый Сом.

— Стоп! — вдруг закричал Нептун.— Я, кажется, наконец вижу Осетра! Хватайте его!

Но Осетр поклонился Нептуну в пояс и сказал:

— Не вели казнить, вели миловать. А за это я расскажу тебе, как восстанавливают на Дону наш осетровый род.

И Осетр неожиданно заревел белугой:

— Построили на Дону для разведения нашего брата Рогожкинский завод, да оказался он только на погибель нашим детушкам. Донья вырастных прудов неправильно запроектированы, и заросли они камышом, малькам там нечего делать. Вот и приходится малюток вылавливать из бассейнов, где их первоначально разводили, да к тому же вылавливать вручную, а потом в бидонах из-под молока везти за 10—15 километров, чтобы затем выпустить в Азовское море. Гибнут деточки!

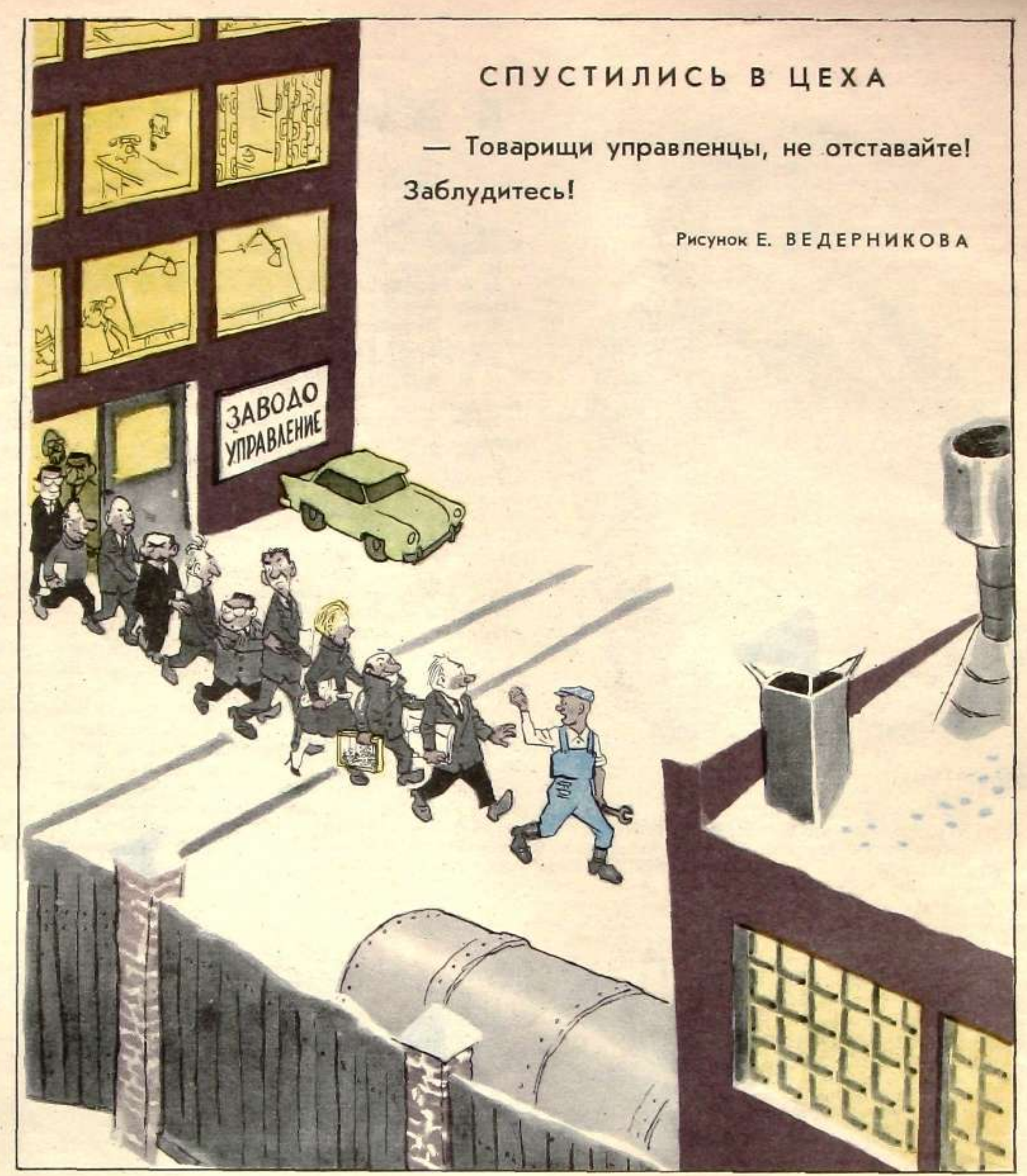
Слово опять взял Старый Сом.

— В 1961 году,— сказал он,— содержание Ростовского территориального управления рыбной промышленности обошлось в 74 тысячи рублей, а АЗНИИРХ — в 580 тысяч рублей новыми деньгами! И все щуке под хвост.

Признаться, Сому очень хотелось добавить об удивительном спокойствии местных организаций, которым давно и подробно известно о всех изъянах по рыбной части. Но Сом промолчал.

Он был осторожным.

Сергей ЗВАНЦЕВ

СПУСТИЛИСЬ В ЦЕХА

— Товарищи управленцы, не отставайте! Заблудитесь!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Эмиль КРОТКИЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

— Сейчас два.
— Нет, три.
— А я говорю: два!
Битый час спорили.
— Вот видишь? И по радио — три. Я, как всегда, права.

—

И в каплях слез отражается солнце.

—

Литературная дама в мемуаровом платье.

—

И рождаясь и умирая, мы делаем кому-нибудь больно.

—

Нет, она не состарилась. Она была по-старому молода.

—

В горящем доме не меняют занавесок.

—

В юности у него было такое чувство, что при столкновении с автомобилем пострадает не он, а автомобиль. С годами он стал меньше беспокоиться об автомобилях и больше о себе.

—

Укротительница ежевечерне совала голову в пасть льва, и лев нервничал, опасаясь, что своими головными шпильками она оцарапает ему пасть.

—

«Налили мы по стопке, налили по другой...» Речь его так и лилась.

—

Поверхностный острослов, мастер неглубокого каламбурения.

—

Автомобиль с накинутым на радиатор чехлом подрагивал на морозе, как покрытая попоною лошадь.

—

Мы ценим поэтов, которые ищут, но предпочитаем тех, которые находят.

ТРИ ЧАСА В ХИРУРГИЧЕСКОЙ ПАЛАТЕ

Кто автор, а кто соавтор?

Рисунок В. ЕВЕНКО
(Из узбекского сатирического журнала «Муштум».)

Дело происходит в палате для хирургических больных.

Их четверо.

А. А. Прозоров поступил в клинику по поводу острого приступа аппендицита.

В. П. Гончарова беспокоит не извлеченный после фронтового ранения осколок.

У В. С. Новикова — аневризма сердца.

Н. И. Терехин страдает облитерирующим эндартеритом.

Таков диагноз их заболеваний, поставленный врачом-ординатором.

У А. А. Прозорова болезнь уже позади: ему сделали операцию. Человеку бы радоваться, а он все недоволен, ворчит, скептически отзывается о способностях молодого ординатора и смешно вздрагивает, когда медицинская сестра делает ему укол «в то самое место».

Двум другим больным операция еще предстоит, и они, естественно, нервничают.

В. П. Гончаров — потому, что не представляет себе, как он будет жить без правой руки. Ведь тогда он не сможет ни толком обнять любимую жену, ни поднести ей чемодан, ни припечатать физиономию ее обидчика.

У В. С. Новикова, писателя, мотивы для беспокойства более основательные: он не дописал свою «главную» книгу, а операция предстоит серьезная.

Переживает даже Н. И. Терехин, учитель, хотя его и не собираются оперировать, а применяют «консервативный метод лечения — блокаду по Вишневскому». Переживает потому, что у него «забаловала» жена.

Но все кончается благополучно.

Мнительный и нудный А. А. Прозоров, оказавшийся к тому же чинушей и поклонником культа, осуждается остальными тремя обитателями палаты и покидает клинику исцеленный физически, но травмированный морально.

Лишившийся правой руки В. П. Гончаров постепенно привыкает к новому состоянию и даже находит его весьма удобным: при расставании с ненавистным Прозоровым он не протягивает ему руку за отсутствием таковой.

Н. И. Терехин дает полную отставку неверной супруге и утешается тем, что собравшиеся вокруг клиники его ученики громко скандируют:

— Вы-здо-рав-ли-вайте!

В. С. Новикову операцию сделал профессор, и сделал удачно.

По мере того, как развертываются эти события, клиника живет полнокровной жизнью: к больным приходят посетители и приносят им передачи, врачи совершают утренние обходы, санитарки развозят больных на колясках, оставшаяся на ночное дежурство медсестра зубрит «Топографическую анатомию» и т. д.

Короче говоря, все происходит «по науке» и «как в жизни».

Лишь один эпизод выходит из ряда вон. Упомянутая медсестра, оторвавшись от учебника, зачем-то обнажает грудь, демонстрируя ее перед маленьким зеркальцем и большим зрительным залом.

Мы упомянули зрительный зал не случайно. Дело в том, что настоящая, всамделишная хирургическая палата установлена на вращающейся

ЗАГАДКИ ОДНОЙ КНИГИ

«Если на вопрос: «Можете ли вы играть на скрипке?» — вы отвечаете: «Не знаю, я еще не пробовал», — то мы сейчас же понимаем, что это шутка. Но когда на такой же вопрос: «Можете ли вы писать сочинения?» — вы отвечаете: «Может быть, могу, я не пробовал!» — мы не только не принимаем это за шутку, но постоянно видим людей, поступающих на основании этого соображения».

Л. Н. ТОЛСТОЙ

«Полуоткрытый рот превратил ее в приятно удивленную девочку».

«...мне хочется, чтобы в вашем отказе немец не уловил насилия над желанием выпить».

«С шестнадцати лет Люся почувствовала определенную тревогу, причиняемую ей собственной внешностью».

«...первый опьяняющий удар по сознанию лошадиной порции виски, внезапное появление вылощенного немца, говорящего по-русски; еще удар по сознанию дополнительного глотка виски и прямо устремленный на него взгляд немигающих, узко посаженных глаз, в которых нет ни чувства, ни жалости, а слова и голос звучат мягко и проникновенно. Горохову казалось, что он вошел в сказку».

А что кажется читателю, ознакомившемуся с этими цитатами? Не не будем его томить. Начнем сначала.

Все началось в 1960 году. В Мурманском доме моряка шло совещание. Говорили о моральном облике капитана. Попросили выступить и капитана А. Реутова. Но он сказал: «Я лучше пойду домой и напишу книгу». Он добавил, что у него скопилось много заветных мыслей и он вложит их все в свой будущий роман.

Как и предвидел Лев Толстой, за шутку эти слова никто не принял. И тов. Реутов, беспрепятственно покинув зал, пошел домой и стал писать книгу, вкладывая туда заветные мысли.

Капитана как-то не тревожило, что для заветных мыслей он не находит соответствующих форм выражения. Возможно, подобные поиски он был склонен считать формалистическими. Писал, как писалось. А писалось ему так:

«Однако во всех этих радостных ожиданиях заключалась излишняя доля оптимизма, как в ее, так и в его вариантах».

«Он знал, что он сам — духовный выродок современности».

«...он тщательно продумывал речь, которую намерен был произнести, осуществляя банкетный визит к мэру города».

Пишущего не беспокоило, что с родным языком он явно не в ладах. В результате рождалось следующее:

«Александр Александрович садически наслаждался Володиным смущением...»

«...дураковато улыбаясь...»

«...его сознание не травмировано подмочкой груза».

Новоявленный романист не испытывал мучительных страданий в поисках нужного слова. Не переписывал, как Толстой, своего сочинения много раз. И, конечно, не уничтожал, как Гоголь, не понравившихся ему страниц. Пусть уничтожают хлюпики. Автору нравилось все, выходившее из-под его пера. А выходило следующее:

«Он, безусловно, догадывался, что общественность и современная идеология изживали его идеалы и тот полууголовный мир, в котором он черпал удовольствие и пользовался славой».

«В порядке дополнения сведений о характере капитана нужно сказать, что он любит проводить в своем воображении живые, яркие пантомимы».

Закончив свой монументальный труд, А. Реутов отнес его в Мурманское издательство.

Тут-то и начинается самое интересное.

В издательстве сидели не бравые моряки, которые если и не умеют писать сочинений, зато дело свое знают. В издательстве сидели люди с филологическим образованием.

Можно и должно было ждать, что работники издательства душевно побеседуют с тов. Реутовым. Разъяснят ему, что труд писателя очень и очень сложен и требует, помимо усидчивости, еще некоторых качеств.

Такого разговора почему-то не произошло. Труд А. Реутова был издан — загадка номер один! Но главная загадка впереди.

На обложке книги красуется ее название: «В стороне от фарватера». Понятно. Автор имеет право называть свое произведение, как ему нравится. Красуется имя автора: «А. Реутов». Тоже понятно. Хорошо ли, плохо, а он трудился. Писал, как умел. Указано название издательства: «Мурманское изд-во, 1962». И это не вызывает недоумения. Если издательство сочло возможным издать произведение, то нужно и подписываться. Пока все понятно. Загадка в другом. На книге красуется и подпись редактора А. П. Федотовского.

Какое отношение имеет к книге этот товарищ, догадаться совершенно невозможно. В чем выразилась его работа?

Может быть, следует предположить, что его (выражаясь слогом тов. Реутова) «отличительной чертой является терпимость действительности, как бы скверно она ни складывалась»?

Или надо предположить другое: редактор и сам не в ладах с грамматикой?

В таком случае что он делает в издательстве?

А был ли вообще редактор? Может быть, редактора и не было? Но тогда откуда подпись?

Загадочнейшая история!

Н. ИЛЬИНА

сцене Малого театра. Придумал «Палату» драматург С. Алешин и назвал ее драмой.

И на самом деле драматического в «Палате» немало.

В начале каждого действия зритель слышит какие-то *размеренные, натужные звуки*: стук, стук, стук... Работает электрический движок? Нет, это, оказывается, стучит сердце. Кажется, вот-вот оно умолкнет... Обитатели партера и амфитеатра зябко *поеживаются в креслах и машинально начинают* прощупывать собственный пульс. Жуть!

Особенно напряженно протекает заключительная сцена спектакля. Вспыхивает голубой экран, и зрители видят операционный стол, врачей в марлевых масках, студентов мединститута.

Больного усыпляют, профессор приступает к операции.

И происходит двоякая реакция. Одна часть зрителей явственно чувствует запах хлороформа и с трудом преодолевает желание сомкнуть отяжелевшие веки. Другие бледнеют, судорожно отирают холодную испарину и украдкой глотают валидол...

Расходясь после трехчасового пребывания в театре, зрители почему-то совсем не говорят об искусстве и драматургических образах.

Зато у вешалки, а потом в метро, автобусах и троллейбусах *они оживленно обсуждают* медицинские случаи из собственной практики и из опыта родственников, знакомых, вспоминают о своих застарелых недомоганиях и приходят к выводу, что *как ни крути, а наша* медицинская наука делает определенные успехи.

Домам санитарного просвещения следовало бы перенять опыт Малого театра. Для благородных целей распространения медицинских *знаний среди* населения пора активно использовать и театральное искусство.

Особенно, если, не довольствуясь реализмом, оно впадает в явный натурализм.

РЕЦЕНЗЕНТ

Сергей ШВЕЦОВ

ВОКРУГ МОЛОДЫХ

ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ

Молодежь он приветствует часто:
— Здравствуй, племя младое! Здравствуй!
Помогать же младому племени
У него не хватает времени.

ПО СКОРОСТНОМУ ГРАФИКУ

— В моей судьбе все шатко и непрочно!—
В сердцах воскликнул молодой пиит.
Он в классики был возведен досрочно
И тут же был сверхсрочно позабыт!

О ПЕРЕПРОИЗВОДСТВЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ «ПОКОЛЕНИЙ» В НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ

Доколь, в порыве вдохновенья,
Здесь будут множить «поколенья»!
Уж этих «поколений» счет
Сейчас к полдюжине идет!
Иное видим мы на деле:
Будь это проза или стих,—
Всех авторов читатель делит
Лишь на хороших и плохих.

КРИТИК-ЛИБЕРАЛ

Стремясь прослыть «передовым»,
Он льстит поэтам молодым
И, будучи предельно гибким,
Легко обходит их ошибки.
Он написал «Обзор стихов»,
Где все ошибки стушевались,
И был похож его «анализ»
На «отпущение грехов»...

— Эта картина называется «Шторм в Атлантике». Нравится?
— Неплохо. Но только я уже где-то ее видела. И в такой же рамке.

Рисунок Е. ШУКАЕВА по теме П. Зоря (г. Энгельс)

Трюх-трюх!

Известно, что, набирая сочинения Н. В. Гоголя, наборщики покатывались со смеху.

А *вот наборщики типографии города Калинина* не смеялись. Им было как-то не по себе набирать стихи для детей Даниила Хармса, выпущенные издательством «Детский мир» при *ближайшем участии двух редакторов*: ответственного — Э. Боровика и художественного — Д. Пчелкиной.

И наборщики прислали Крокодилу письмо, в котором просили защитить малюток от поэтического издевательства над здравым смыслом. И в качестве вещественного доказательства приложили книжку. Мы открыли ее на странице, где рассказана увлекательная история о том, «Как папа застрелил мне хорька».

«Застрелил мне» нам сразу не очень понравилось. Но стоило ли обращать внимание на такие пустяки, если дальше излагалась история, полная драматических коллизий!

Папа думает: «Хорек
Замечательный зверек,
Замечательный зверек,
Если только он хорек».

И поэтому:

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорек не убежал.

Но коварный хорек все же не стал дожидаться, пока папа зарядит винтовку, и пустился наутек.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
— Подожди меня! — кричит...

Набренчавшись вдоволь винтовочкой, папа убил хорька.

Вот пред вами мой хорек
На странице поперек.

Стишки написаны, скажем прямо, «поперек» во всех отношениях. Но если сказать об этом читателю, он только улыбнется в ответ. Улыбнется и скажет: «Это что! Вот вы почитайте стишки про Ивана Топорышкина. Что тогда скажете?» Впрочем, стишки-то сами за себя говорят:

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

Худо ли! Есть детские стихи-«перевертыши», в которых юные читатели прекрасно разбираются. Но можно ли разобраться в вышеприведенной абракадабре?

А чего стоит «Веселый старичок»!

Жил на свете старичок
Маленького роста,
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:
Ха-ха-ха
да хе-хе-хе,
хи-хи-хи
да бух-бух!
Бу-бу-бу
да бе-бе-бе,
динь-динь-динь
да трюх-трюх!

И когда мы *спросили у всех* крокодильцев: нужно ли издавать такие книжки для детей, есть ли глаза и уши у редакторов,— они рассмеялись по рецепту старичка «чрезвычайно просто»:

Гы-гы-гы
да гу-гу-гу,
го-го-го
да бах-бах!
Ой, ребята!
Не могу!
Ой, ребята,
ах, ах!

И все стало ясно.

Б. ЮДИН

Выпив кварту...

Запорожец Карась из оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», как помнится, выпил однажды «цилу кварту», и если бы не добры волы, кто знает, куда бы занесло лихого козака.

У трех товарищей — В. А. Панкратовой, Л. В. Поляковой, Г. М. Цыпина — таких верных друзей, волов, не оказалось. И их занесло. Указанные выше товарищи — редакторы-составители книги «Оперные либретто. Краткое изложение содержания опер». Книга выпущена Госмузиздатом.

Уважаемые редакторы-составители взяли да и занесли украинских композиторов С. С. Гулак-Артемовского и Н. В. Лысенко в раздел *«Советская опера»*.

Если учесть, что первый из них скончался в 1873-м, а второй — в 1912 году, станет ясно, что книга эта составлялась и редактировалась не иначе, *как после употребления некоего* напитка «з пэрцэм».

Ох, на этих бы создателей напустить Одарку — жинку Карася!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ и Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Гурий Львович Синичкин

Водевиль в пяти картинах

Старый актер Гурий Львович Синичкин добивается для своей дочери Лизы дебюта в театре, преодолевая на этом пути много препятствий. При помощи предназначенного Лизе приглашения на съемку в кинофильме, которое он переслал ведущей актрисе Сурмиловой, ему удается добиться, чтобы Сурмилова, симулировав болезнь, сама отказалась от роли в театре. С большим трудом Синичкин получает согласие режиссера Пустославцева и автора пьесы Борзикова на то, чтобы Лиза заменила Сурмилову. Теперь остается только получить разрешение от начальника отдела искусств городского управления культуры Евграфа Ивановича Зефирова. К нему и направляются Синичкины.

В картине действуют: Лиза, Синичкин, Зефиров, Борзиков, Сурмилова, Адриена Сергеевна — секретарша, Ядов и Удальцов — сатирики, архитектор, Ветринский — ассистент кинорежиссера.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет начальника отдела искусств городского управления культуры Евграфа Ивановича Зефирова. За столом — Зефиров. Перед ним — Ядов с маленькой гармоникой в руках и Удальцов с мандолиной.

ЯДОВ (*поет*). Недостатки есть и были,
Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили...

ЗЕФИРОВ (*нажимая кнопку звонка*). Простите, друзья мои, одну минуточку!.. (*Входит Адриена Сергеевна.*) Адриена Сергеевна, милая, меня нет! Уехал! Провалился сквозь землю! Никого не принимаю!.. Понимаете?

АДРИЕНА. Понимаю, Евграф Иванович! (*Уходит.*)

ЗЕФИРОВ. Ну, теперь нам не помешают... Вы понимаете, милые мои, чего мы от вас ждем? Сатиры! Злой и беспощадной сатиры! Какой сейчас может быть торжественный концерт без сатиры? Ну, не мне вас учить, ученых учить — только портить... Давайте, что у вас там? Только позлее, похлестче!

ЯДОВ. Недостатки есть и были,
Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили...

Звонок телефона.

ЗЕФИРОВ (*не снимая трубку*). Продолжайте, продолжайте!

ЯДОВ. Недостатки есть и были...

Звонок повторяется.

ЯДОВ. Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили...

Снова звонит телефон. Зефиров нажимает кнопку. Входит Адриена Сергеевна.

ЗЕФИРОВ. Адриена Сергеевна, я ведь вас просил не соединять меня.

АДРИЕНА. Это Николай Николаевич.

ЗЕФИРОВ. А!.. (*Ядову и Удальцову.*) Простите великодушно, друзья мои,— Николай Николаевич! (*Снимает трубку.*) Слушаю, Николай Николаевич. Здравствуйте. Спасибо, хорошо... И вас с хорошей погодой. Спасибо. Здоровы. Тоже здорова. Обязательно передам. Сегодня? А вы сегодня у телевизора посидите. Премьера. «Вечерняя стерня». Наш Борзиков написал. Наш театр. Сам Пустославцев. Сама Сурмилова. В 20.45. Что? Вот у меня как раз Ядов и Удальцов. Работаем. Правильно. Невзирая. Глубоко. Беспощадно. Бичевать. Совершенно верно! Разить и вскрывать. Спасибо, Николай Николаевич. До свидания... (*Вешает трубку.*) Вот видите, милые мои, хорошие, Николай Николаевич выражает уверенность... Давайте смелее! Как это вы говорите: недостатки есть и были?

АДРИЕНА. Там ждет Кубанский ансамбль!

ЗЕФИРОВ. Какой Кубанский ансамбль?

АДРИЕНА. Казанской филармонии.

ЗЕФИРОВ. Они поют кубанские песни?

АДРИЕНА. Нет, они поют кубинские песни.

ЗЕФИРОВ. А сами они татары?

АДРИЕНА. Да нет, казаки.

ЗЕФИРОВ. Ничего не понимаю. Кто у них руководитель?

АДРИЕНА. Как кто? Кац.

ЯДОВ. Недостатки есть и были,
Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили...

ЗЕФИРОВ (*нажимает кнопку звонка. Входит Адриена Сергеевна*). Адриена Сергеевна, голубушка, больше ни с кем не соединять! Меня нет!.. Растворился!..

ЗЕФИРОВ. Значит, кубинские песни Каца в исполнении Кубанского ансамбля татарской филармонии? Дружба народов? Берите! (*Адриена Сергеевна уходит.*) Ну, давайте, товарищи! Но помните: народ хочет смеяться. Это надо учитывать. Мы не должны скрывать от наших людей временно имеющиеся еще кое-где отдельные недостатки в некоторых областях. Вот в таком разрезе и давайте...

ЯДОВ. Недостатки есть и были,
Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили...

Входит Адриена Сергеевна.

АДРИЕНА СЕРГЕЕВНА. Евграф Иванович, вы вызывали архитектора по поводу оформления.

ЗЕФИРОВ. Адриена Сергеевна, сколько раз я вам говорил: не вызывал, а приглашал!.. (*Входит архитектор.*) А-а... Очень кстати! Заходите, душа моя. Надеюсь, знакомы? Ядов и Удальцов. Наша областная сатира... Вот они сейчас нас с вами на карандаш и в куплеты! А?

АРХИТЕКТОР. Я принес...

ЗЕФИРОВ. Отлично!.. Надеюсь, вы учли наш разговор? Вопрос надо решать смело, чтобы нам с вами потом по шее не дали. (*Ядову и Удальцову.*) Вы простите друзья мои, мы немного отвлечемся... Хотелось бы и ваше мнение послушать — голос интеллигенции! Городской театр перестраивать будем.

ЯДОВ. Ремонтировать?

ЗЕФИРОВ. Ремонт мы в прошлом году закончили. Сейчас будем реконструировать. Чтобы наш народ не краснел за свой театр! Ведь его еще тогда строили... в эпоху! Колонны, балконы, плафоны, парфеноны... Сплошная помпезность! Александр Семенович, как вы решили с этими последствиями?

АРХИТЕКТОР. Я нашел оригинальное решение: все уберем. Колонны, поскольку они мраморные, заштукатурим под железобетон, между колоннами дадим сплошное стекло, балконы закроем, плафоны замажем, пилоны снимем, а главный вход заделаем наглухо, под дикий камень...

ЗЕФИРОВ. А публика?

АРХИТЕКТОР. Что публика?

ЗЕФИРОВ. Как публика попадет в театр?

АРХИТЕКТОР. Очень просто. (*Показывает чертеж.*) Вот тут мост, здесь эстакада. А это тоннель для городского транспорта. Публика по мосту, через эстакаду попадает прямо на третий этаж. Таким образом мы ликвидируем парадную лестницу.

ЗЕФИРОВ. Это правильно! Никакой парадности! Скромно, просто, дешево. Сколько это будет стоить, вы прикинули?

АРХИТЕКТОР. Пустяки. В новом масштабе цен — шестьсот пятьдесят тысяч.

ЗЕФИРОВ. А сэкономить ничего нельзя?

АРХИТЕКТОР. Думаю, тысяч пять сэкономить можно. В старом масштабе цен.

ЗЕФИРОВ. Это хорошо. Ну, а внутри театра что вы собираетесь делать?

АРХИТЕКТОР. Как что? Замазывать, убирать, снимать! Вот только паркет в главном фойе... Он с инкрустациями. Его снимать, пожалуй, не стоит: дорого обойдется. Я думаю его закрыть пластиком. Дешевле будет.

ЗЕФИРОВ. Правильно думаете. Народные деньги надо беречь! А вот с люстрой что делать? Подумать только, одного хрусталя на полтора миллиона отгрохали!

АРХИТЕКТОР. Люстру снимем. Это недорого... в новом масштабе цен. А освещение дадим дневное.

ЗЕФИРОВ. Как это дневное?

АРХИТЕКТОР. Сделаем стеклянную крышу. Сейчас спектакли рано начинаются. Все-таки экономия на электроэнергии. Крыша, конечно, обойдется...

ЗЕФИРОВ. Это неважно. Раз речь идет об экономии, тут средств жалеть не приходится! Ну, что же... Как вы думаете, друзья мои?

УДАЛЬЦОВ. Мы тоже так думаем, Евграф Иванович.

ЗЕФИРОВ. Ну, что ж, Александр Семенович, дорогуша, душа моя, действуйте! Только учитывайте запросы! Простые люди, они сейчас тоже... Не хуже нас с вами разбираются... Чтобы никакой показухи не было!

АРХИТЕКТОР. Это не беспокойтесь. Показухи не будет! Замажем, Евграф Иванович.

ЗЕФИРОВ. То-то! Вот еще эти картины, которые в фойе висят...

АРХИТЕКТОР. Уберем!

ЗЕФИРОВ. Убрать — это просто. А может, вместо них повесить что-нибудь этакое... Только чтобы не оттуда шло, а от нас.

АРХИТЕКТОР. Модернягу дадим!

ЗЕФИРОВ. Но, но...

АРХИТЕКТОР. Замажем модернягу. Дадим космос... Систему галактики, Млечный Путь.

ЗЕФИРОВ. Ну, что ж... Дерзайте, Александр Семенович. Всего хорошего.

АРХИТЕКТОР. До свидания, Евграф Иванович! (*Уходит.*)

ЗЕФИРОВ. А сейчас спустимся из межпланетных просторов на нашу грешную землю. Так вот, товарищи сатирики, милые вы мои, хорошие!.. Давайте продолжайте, показывайте!

ЯДОВ. Недостатки есть и были,
Что мешают людям жить...

УДАЛЬЦОВ. Мы куплеты сочинили,
Чтобы их искоренить.

ЯДОВ. Бей, сатира наша, метко
И на лица не взирай...

УДАЛЬЦОВ. Кое-кто, хотя и редко,
Иногда берет на чай!

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2 и 3.

ЗЕФИРОВ. Это вы правильно сигнализируете! Невзирая на лица! Молодцы!

ЯДОВ. Кое-где еще порядка
Нет порою, хоть убей...

УДАЛЬЦОВ. Тьма отдельных недостатков
У отдельных есть людей!

ЯДОВ. Есть отдельные мужчины,
Носят баки для красы...

УДАЛЬЦОВ. А в отдельных магазинах
Нет отдельной колбасы!

ЗЕФИРОВ. И краковской! Не будем скрывать, товарищи, краковской тоже иногда не бывает! Вы и про краковскую спойте.

ЯДОВ. Краковская в куплет не влезает!

ЗЕФИРОВ. Тогда про ветчинно-рубленую.

ЯДОВ. И ветчинно-рубленая не влезает.

ЗЕФИРОВ. А есть какая-нибудь колбаса, чтоб влезала?

ЯДОВ. Никакой нет.

ЗЕФИРОВ. Что ж, у нас никакой колбасы нет?! Колбаса у нас бывает. Всякая бывает...

УДАЛЬЦОВ. У нас есть вариант.

ЯДОВ (п о е т). Есть отдельные мужчины,
Носят баки для красы...

УДАЛЬЦОВ. А в отдельных магазинах
Много всякой колбасы!

ЗЕФИРОВ. Вот теперь остроумно! Желаю успеха!

Удальцов и Ядов прощаются с Зефировым и уходят. Входят Борзиков, Синичкин, Лиза и Адриена Сергеевна.

ЗЕФИРОВ (Б о р з и к о в у). А-а!.. Дорогой наш Федор Семенович! Рад приветствовать!.. Как здоровье? Как настроение?

БОРЗИКОВ. Вот вы, Евграф Иванович, моим здоровьем интересуетесь, настроением. А кое-кого это не устраивает... Кое-кто роет яму нашей передовой литературе!

ЗЕФИРОВ. Яму рыть мы не позволим. Сейчас ямы рыть нельзя!

БОРЗИКОВ. Я человек простой... Рядовой творец... Работаю, создаю... Что же, я молчать должен?

ЗЕФИРОВ. Молчать ни к чему.

БОРЗИКОВ. Я привык резать правду-матку прямо в глаза... Сурмилова-то заболела!.. Премьера моя срывается...

ЗЕФИРОВ. Как заболела? Как срывается?.. Я уже Николаю Николаевичу доложил, лично у телевизора будет. Адриена Сергеевна, соедините меня с Сурмиловой.

СИНИЧКИН. Не извольте беспокоиться, Евграф Иванович, выход найден. Дочь моя, Лизонька, заменит Сурмилову!

ЛИЗА. Погоди, отец, может быть, Евграф Иванович мне не доверяет...

СИНИЧКИН. Дочь моя, Евграф Иванович не может не доверять.

ЗЕФИРОВ. Правильно. Сейчас главное — доверие к людям!

ЛИЗА. Спасибо, Евграф Иванович!

СИНИЧКИН. Дочь моя...

БОРЗИКОВ. Елизавета Гурьевна, теперь я надеюсь только на вас...

Входит Ветринский.

ВЕТРИНСКИЙ. Не помешаю?

ЗЕФИРОВ. А-а! Здравствуйте, милый, заходите, дорогой...

ЛИЗА (т и х о В е т р и н с к о м у). Ну вот, я буду играть вместо Сурмиловой. Все решено!

ВЕТРИНСКИЙ (т и х о Л и з е). Все решено? Ну, это для нас не проблема! Вы не будете иг-рать! Готовьтесь к отъезду... (З е ф и р о в у.) Значит, премьера переносится?

БОРЗИКОВ. То есть как переносится?

СИНИЧКИН. Сейчас переносить нельзя!

ЗЕФИРОВ. Сейчас переносить нельзя!

СИНИЧКИН. Сейчас что самое главное? А?

ЗЕФИРОВ. Сейчас главное... Вы что имеете в виду?

СИНИЧКИН. Выдвижение молодежи! Ведь вот в Москве... Кто сейчас ставит спектакли? Симонов. Но какой Симонов? Симонов — сын Симонова! А играет кто? Абрикосов — сын Абрикосова! Ливанов — сын Ливанова!.. Даже на скрипке играет Ойстрах — сын Ойстраха!.. Вот и в пьесе товарища Борзикова будет играть Синичкина — дочь Синичкина! Как Райкина — дочь Райкина!

ЗЕФИРОВ. Сейчас это правильно.

ВЕТРИНСКИЙ (е х и д н о). Семейственность?

СИНИЧКИН. Правильно! Семейственность! Сейчас главная проблема — это отцы и дети. Отцы хотят, чтобы играли их дети!

ЗЕФИРОВ. А у Сурмиловой нет детей?

СИНИЧКИН. Откуда у нее могут быть дети, когда она все время на совещаниях!

ЗЕФИРОВ. Жаль. Детей надо. Адриена Сергеевна, выясните, у кого есть дети. (*А д р и е н а С е р г е е в н а у х о д и т и ч е р е з н е к о т о р о е в р е м я в о з в р а щ а е т с я.*)

СИНИЧКИН. Ну, на первый случай достаточно одной дочери.

ЗЕФИРОВ. А еще лучше, чтобы в первом составе было одно второе поколение!..

ВЕТРИНСКИЙ. Для театра это хорошо. А для телевидения сейчас обратная установка!

ЗЕФИРОВ. Почему для телевидения обратная?

ВЕТРИНСКИЙ. Аудитория не та. Миллионы зрителей хотят, чтобы играли мастера! Правильно сказал Николай Иванович...

ЗЕФИРОВ. Николай Николаевич?

ВЕТРИНСКИЙ. Нет, Николай Иванович сказал Николаю Николаевичу: «Людям звания дают, надо хотя бы по телевизору посмотреть, за что...»

ЗЕФИРОВ. Верная мысль. Сурмилова должна играть! Я лично с ней поговорю.

СИНИЧКИН. Сурмилова? Подумайте, Евграф Иванович: Сурмилова — двадцатилетнюю героиню, по телевизору, крупным планом... С ее морщинами!..

ЗЕФИРОВ. Замажем!.. Зато звание!..

Входит Сурмилова.

БОРЗИКОВ. Раиса Минишна!

ЗЕФИРОВ. Раиса Минишна... Какое счастье!

ЛИЗА. Все погибло!

СИНИЧКИН. Наоборот, водевиль только начинается!

ЗЕФИРОВ. Значит, вы здоровы?

СУРМИЛОВА. Только что из поликлиники. Принимала валокардин, синтомицин, биомицин... Ничего не помогает. Держусь на одном сознании общественного долга.

СИНИЧКИН. Да как ты смеешь, Раиса Минишна? Кто тебе дал право рисковать своим здоровьем?

СУРМИЛОВА. Пойми, Гурий, я не могла иначе...

ЗЕФИРОВ. Вы должны сегодня выступить, душенька наша, Раиса Минишна. Миллионы телезрителей будут смотреть. И лично Николай Николаевич.

СУРМИЛОВА. Не могу, Евграф Иванович, не могу... Врачи не позволяют.

ЗЕФИРОВ. Об этом вы не беспокойтесь. Врачам мы дадим указание. Сегодня отыграете, а потом, пожалуйста, хоть на полгода в больницу...

СУРМИЛОВА. Но дело не только в здоровье. Надо выдвигать молодежь — это наш долг! Так говорит Николай Николаевич. А Лиза Синичкина прекрасно справится с этой ролью. Я благословляю ее на дебют!

ВЕТРИНСКИЙ (т и х о С у р м и л о в о й). Что вы делаете? Неужели вы так больны?

СУРМИЛОВА (т и х о В е т р и н с к о м у). Успокойтесь, милый, для вас я здорова.

ВЕТРИНСКИЙ. При чем тут я?

БОРЗИКОВ. Товарищи, мы опоздаем.

ЛИЗА. Опоздаем, опоздаем!

ВЕТРИНСКИЙ (т и х о). Лиза, поймите, мне хочется, чтобы вы уехали со мной...

ЛИЗА. Мне приятно, что вам хочется. Но это невозможно.

ВЕТРИНСКИЙ. Посмотрим!

СИНИЧКИН. Спасибо, Раиса!.. Ты всегда была самой сознательной артисткой. Жаль, что у нас еще такого звания нет... «Сознательная артистка республики». В театр!..

БОРЗИКОВ. В театр уже поздно. Прямо на телестудию!

ЗЕФИРОВ. И я с вами.

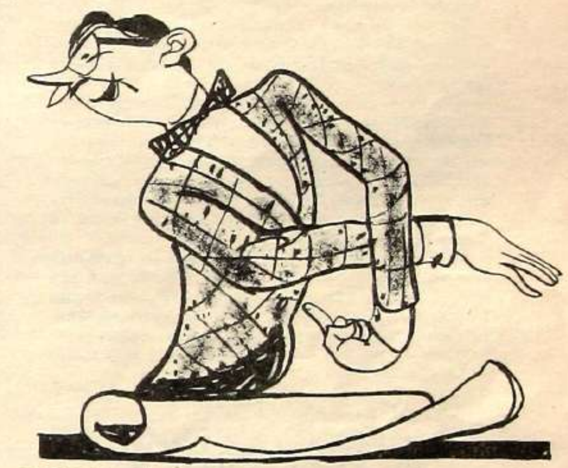
СИНИЧКИН. Вперед, дитя мое, вперед!..
Мы жизнь театру посвятили,
И нас с тобою слава ждет,
Как в том старинном водевиле!..

ЛИЗА. Вперед!.. Триумф или провал!..
Отдел искусств мы убедили,
Но зритель нынче строже стал,
Чем в том старинном водевиле!

ЗЕФИРОВ. Вперед, товарищи, за мной!
Пусть смех, как прежде, будет в силе,
Хотя, конечно, не такой,
Как в том старинном водевиле!

БОРЗИКОВ. Вперед! «Стерню» наш зритель ждет!
Мечтает он о новом стиле.
В «Стерне» он этот стиль найдет,
А не в старинном водевиле!..

Все, кроме Ветринского и Сурмиловой, уходят.

ВЕТРИНСКИЙ. Вот это называется фитиль! А я-то думал, что привезу с собой такую актрису, что все ахнут!

СУРМИЛОВА. Вы и привезете ее. Я совершенно здорова и готова сейчас же ехать с вами.

ВЕТРИНСКИЙ. Куда?

СУРМИЛОВА. В Москву.

ВЕТРИНСКИЙ. Зачем?

СУРМИЛОВА. Сниматься.

ВЕТРИНСКИЙ. Сниматься? А кто вас приглашал?

СУРМИЛОВА. Вы!

ВЕТРИНСКИЙ. Я?! Голубушка... С чего вы взяли, что вы здоровы? Бюллетень я вам гарантирую — для кино это не проблема.

СУРМИЛОВА. Позвольте!.. Вот же ваше письмо.

ВЕТРИНСКИЙ (ч и т а е т). Слушайте... Нас с вами разыграли, как маленьких! Это я писал Лизе, Лизе Синичкиной!..

СУРМИЛОВА. Но вот же адрес!

ВЕТРИНСКИЙ. А адрес написал Синичкин.

СУРМИЛОВА. А роль королевы-матери?

ВЕТРИНСКИЙ. О чем вы мечтаете? Это же коронная роль для пожилых актрис...

СУРМИЛОВА. Но я...

ВЕТРИНСКИЙ. Такие роли играют только верные соратницы-жены выдающихся деятелей советской кинематографии.

СУРМИЛОВА. Ах, так!.. Меня обманули?!. Я сейчас же еду на телестудию!..

ВЕТРИНСКИЙ. Вот это правильно! И я с вами...

ВМЕСТЕ. Вперед! Мы всех разоблачим!
Они над нами подшутили,
Мы им за это отомстим,
Как в том старинном водевиле!
(*У б е г а ю т.*)

Конец четвертой картины.

(Окончание следует.)

ЭДВАРД ТЕЛЛЕР УСПОКАИВАЕТ

Американский атомный физик Эдвард Теллер состоит в близком родстве с миссис водородной бомбой. Теллера называют «отцом американской водородной бомбы». Папа Теллер не надышится на свое жутковатое чадо. Он требует продолжать атомные испытания без передыха и перерывов на обед.

Но миллионам людей гадки теллеровские нежности с бомбой. Люди встревожены вредными последствиями выпадения радиоактивных осадков. Они справедливо проклинают «отца» и «дочь».

Теллер решил успокоить своих недругов. В своей последней книге «Наследие Хиросимы» он дает чрезвычайно «обнадеживающие» разъяснения.

— А кто сказал,— вопрошает Теллер,— что уродливые дети — это катастрофа для человечества? Ничего подобного. Отклонения от нормы могут оказаться даже довольно занятными. «Возможно,— пишет он, — с первого взгляда уродства и деформация будут производить неприятное впечатление, но со временем к этому привыкнут».

Похоже, что частое присутствие на ядерных испытаниях роковым образом деформировало мозги Эдварда Теллера. Уродливая философия Теллера производит весьма неприятное впечатление. Привыкнуть к ней невозможно.

А. БАРАНОВА

— Теперь Франции будет легче дышать!

Рисунок А. КРЫЛОВА

СЭР РОЙ В РАССУЖДЕНИИ О КРОКОДИЛАХ

Пожалуй, никто из нынешних политических деятелей Запада не в силах тягаться с Роем Веленским по части исторических высказываний. Премьер-министр Федерации Родезии и Ньясаленда сыплет изречениями как из рога изобилия. И какие это перлы! Куда до него какому-нибудь Людовику XIV с его пошлым: «Государство — это я».

Судите сами. Выступая по лондонскому телевидению, сэр Рой изрек: «Расовая дискриминация в нашей федерации ликвидируется так быстро, как это только возможно».

Насчет определения скорости движения сэр Рой — большой знаток. В юные годы он работал помощником машиниста. Ныне расистский локомотив сэра Роя идет на всех парах. Раздается зычная команда машиниста Веленского: «Наддай жару, ребята! Подкинь угольку». И расисты «наддают». Совершаются облавы на кварталы африканцев, гремят выстрелы расистов и полицейских в Солсбери, Булавайо и Гвело, горят хижины, растут концентрационные лагеря. А машинист-расист приговаривает: «Пройдись колесами по черным!»

Ликвидация действительно происходит. Только ликвидируется не дискриминация, а сами африканцы.

Но было бы неправильно представлять себе премьера федерации человеком, ограниченным рельсами железной дороги. Нет, кругозор сэра Роя гораздо шире. Недавно стало известно и опять-таки благодаря его изречению, что глава расистского правительства — отличный знаток животного мира. И уж, во всяком случае, крупный специалист по крокодилам. Выступая в южноафриканском институте международных отношений в Иоганнесбурге, он заявил: «Нельзя насытить крокодила, давая ему пожирать других. Стоит вам пойти с ним на компромисс — и вы погибли».

Поставь сэр Рой на этом точку, он, несомненно, снискал бы себе славу выдающегося исследователя проблем питания земноводных.

Но тут мысль премьера-эрудита неожиданно скакнула в область внешней и внутренней политики Федерации Родезии и Ньясаленда. Уж лучше бы он этого не делал. Сэр Рой пытался причислить к крокодилам всех тех африканцев, которые желают ликвидировать позорный колониальный режим. Даже не будучи знатоком животного мира, каждый может увидеть, что здесь премьер федерации явно запутался. Ведь каждому ясно, что подлинные крокодилы — правители расистской федерации. Именно они загубили уже не одну африканскую жизнь. И африканцы действительно хотят уничтожить крокодилов-колонизаторов. Причем без всяких компромиссов. Африканцы справедливо считают, что с уничтожением этой разновидности земноводных может быть снята с повестки и проблема их питания.

Я. МЕЧНИКОВ

ОТДЫХ С КОМФОРТОМ

Гамбургский журналист Петер Вестфаль решил на зиму покинуть холодные берега Балтики и отдохнуть на средиземноморском побережье Испании. Но, после того как именно в Испании был арестован сотрудник журнала «Шпигель» Алерс, Вестфаль усомнился, достаточно ли удачно избрано им место для отдыха. Конечно, Вестфаль — упаси боже! — не красный, не коммунист, но ведь и Алерс тоже не из революционеров.

Вот почему, прежде чем решиться на поездку, Вестфаль обратился с письмом к испанскому генеральному консулу в Гамбурге сеньору Онтиваресу: не может ли господин консул дать гарантии, что просителя не постигнет в Испании судьба Алерса?

О нет, господин консул не обиделся за намек и с изысканной вежливостью испанского гранда ответил: «Господин Вестфаль может быть совершенно спокоен: ничто ему не грозит в Испании, ничего скверного с ним там не случится. Слово гидальго. Салют!»

Однако далее за словом чести последовало крохотное, но многозначительное добавление.

«Но,— писал сеньор Онтиварес Вестфалю,— если бы вам случайно предоставилась оказия познакомиться с испанскими тюрьмами, вы бы с радостью убедились, что они не грязные, не холодные, не сырые, а, напротив, весьма гигиеничны и оборудованы по последнему слову техники».

Сеньор консул мог бы добавить, что к услугам клиентов этих почти лечебных учреждений «массаж» и новейшие «электропроцедуры», проводимые под руководством опытнейших «физиотерапевтов» из франкистской охранки.

Нескрываемая гордость, с какой консул описывал франкистские тюрьмы, понятна: каким же еще техническим прогрессом в Испании он может похвалиться, кроме новейших тюрем!

Разъяснения консула вполне удовлетворили Вестфаля. Судя по тому, что он опубликовал свою переписку с Онтиваресом в журнале «Шпигель», он решил отдохнуть где-нибудь за пределами Испании.

С. ГОРСКИЙ

ФУК—И В ДАМКИ!

Н. ОКАУТ,
спортивный комментатор Крокодила

Давненько не играл я в шашки. И вдруг меня неотвратимо потянуло к клетчатой доске. С кем бы, думаю, сразиться? А сразиться было не с кем: единственный мой партнер, сосед по квартире, уже спал.

Оставалось одно: решать шашечные задачки. В поисках хитроумных задач я начал листать страницы прессы и в газете «Южный Урал» под рубрикой «Шашки» встретил такое, о чем не могу не поведать читателям Крокодила.

Итак, что нового в шашках? Новое есть. Это двадцатидневный классификационный турнир, который имел состояться в Оренбурге. Из многих городов прибыли сюда шашисты — кандидаты в мастера. Они хотели стать мастерами. Для того, чтобы проверить их силы, в гости к оренбуржцам приехали шашечные зубры из Москвы, Ленинграда, Баку.

Турнир прошел хорошо. Оренбуржцы отважно сражались с маститыми чемпионами, и некоторым чемпионам стало обидно, что их бьют. Тогда они решили доказать свою *силу*.

Мастера спорта Игорь Алексеев (Ленинград) и Юрий Арустамов (Баку) устроили драку на оренбургской междугородной телефонной станции. Они одержали верх над преподавателем местного педагогического института М., который попросил их не нарушать очереди. М. сильно поплатился за свой дерзкий поступок. Мастера спорта по шашкам действовали, как мастера спорта по боксу, и М. был жестоко нокаутирован.

Сражение проходило в присутствии директора шахматного клуба общества «Труд» Романа Вольчека, который соблюдал полный нейтралитет.

А дальше был суд. Учитывая выдающиеся спортивные заслуги Алексеева и Арустамова, судья тов. Нефедов решил, что строго наказывать мастеров не следует. Он предложил им уплатить небольшой штраф и отпустил с миром.

Из камеры народного суда Алексеев и Арустамов проследовали в... студию Оренбургского телецентра. Телецентр пригласил хулиганов выступить перед зрителями в качестве... спортивных метров. И метры приняли это приглашение. Прямо из камеры да на голубой экран! Как говорится: фук — и в дамки!

Выступая перед телезрителями, иногородние мастера спорта рассказывали о своих замечательных победах на клетчатых полях и очень благодарили оренбуржцев за гостеприимство.

Правильно благодарили! Где бы они еще встретили такого либерального судью, как Нефедов? В каком бы другом городе их, как героев, удостоили бы чести покрасоваться на телеэкране?

В. ЕВТУШЕНКО

ОТСТАЛЫЙ КВАС

Никодим Иванович Губов возвращался домой из областного центра. Жара стояла невероятная. В раскаленной «Победе» Губов чувствовал себя, как сом, вытащенный на берег. Откинувшись на спинку сиденья, он молча страдал от жажды.

На областном совещании он был именинником. Докладчик назвал Суходольский район в числе передовых, «уделяющих повседневное внимание вопросам развития местной промышленности». Особенно хвалил докладчик подчинявшуюся Губову промартель «Чудо-напиток».

— Эта артель, товарищи,— говорил областной трибун,— освоила производство замечательной пищевой продукции, незаменимого летнего ширпотреба — мятного прохладительного кваса...

«Хорошо бы сейчас этого самого нашего... суходольского кваску!» — мечтательно подумал Губов. «*А не заехать ли в промартель?* — осенило его. — Почему бы не попробовать кваску на месте? Ишь, герои, освоили и молчат. В области знают, похваливают, а я сижу, как дурак, и в ладони хлопаю... Только надо припомнить, где она расположена, эта самая артель».

— По пути можно завернуть,— сказал шофер. — Возле конторы лесхоза.

...Председатель промартели «Чудо-напиток» Петр Артемович Тимошечкин собирался идти в цех, когда увидел остановившуюся у крыльца конторы «Победу» и самого Никодима Ивановича.

«Что бы это означало?—встревожился председатель.— Не было печали...»

— Привет, дорогой! — сказал, войдя в кабинет, Никодим Иванович.— Так... значит, свирепствуешь тут, дорогой. Слышал, слышал...

— Это вы насчет чего? — тоскливо спросил Тимошечкин.

— Ну, ну, не скромничай... о квасе я говорю. Тащи на пробу.

Квас и в самом деле был хорош. Душистый, с приятной кислинкой и, главное, холодный.

— Да вы, оказывается, колдуны. Ишь, чего вытворяете...— допивая третий стакан, говорил Никодим Иванович.

«Пей, пей да зубы-то не заговаривай,— тревожно думал Тимошечкин.— Уж лучше быстрей бы сказал, зачем пожаловал, в чем вина наша?»

Никодим Иванович выпил еще стакан и пожал руку председателю промартели.

— Ну, бывай, дорогой... За угощение спасибо. Молодец!

«Постойте, вы же ничего не сказали!» — хотел крикнуть вдогонку Петр Артемович.

За окном фыркнула машина. Захлопали крыльями куры, выбегая из-под колес, и все стихло. Председатель долго еще сидел и молчал.

— Что с вами, Петр Артемович? — удивился бухгалтер Василий.

— Зачем он все-таки приезжал?

— Как зачем? Разве не видели? Просто так... Выпил кваску и поехал себе на здоровье. Спасибо даже сказал.

— Эх, ты! — покачал головой Тимошечкин.— Кваску попил, спасибо сказал... Уж я-то знаю, что такое начальство. Просто так *квасок распивать оно не приезжает*. Нет, брат Василий, тут жди грозы с оргвыводами...

Волнение председателя передалось другим работникам. Профком провел внеплановое заседание и выделил комиссию, которой поручено было обследовать квасоварный цех.

— Наверняка загвоздка в квасе,— сказал Тимошечкин, инструктируя комиссию.

Комиссия старалась. Она сразу же поставила под сомнение рецептуру кваса и потребовала от мастера дать объяснения.

— Ответ у меня простой,— сказал мастер.— Еще моя бабушка Ниловна слыла мастерицей по части квасов. Уж как она их делала! И с клюквой, и со смородиной, и на меду, и с мятным настоем... А матушка моя все тонкости переняла у нее и мне насоветовала...

— Постой, постой!—ахнули проверяющие.— Выходит, ты делаешь квас без научных обоснований?

— Да люди-то пьют и хвалят. А спрос какой? На 300 декалитров увеличение...

Но комиссия решительно отклонила оправдания мастера и доложила обо всем председателю промартели.

Петр Артемович срочно собрал заседание правления. Мастера квасоварного цеха сняли. Изготовление кваса по рецепту бабушки Ниловны признали грубой ошибкой и наложили на него запрет.

Спустя неделю Тимошечкина вызвали в райисполком. Возвратился он в контору часа через три.

— Строгий выговор,— сказал он бухгалтеру.— За то, что квас перестали делать. Скажи, Василий, мог ли я подумать, что Никодим Иванович приехал просто кваску попить? Нет, не мог. Уж я был уверен, что строгача не миновать.

— Вот и не миновали,— вздохнул Василий.

Семейное фото.

Кинорезак «Долой острые углы».

Поясной портрет родителя.

Сельский пейзаж (на фото крестиком помечена церковь, двумя крестиками — клуб).

Увеличитель «Приписка».

Сергей БАРУЗДИН

БРЕВНО

Лежало на пути бревно.
Мешало путникам оно.
Один сказал:
— Нехорошо!
Сказал
И, знай себе, пошел!
Второй взглянул,
Потом вздохнул
И то бревно
Перешагнул.
А третий путник
Промолчал.
Он с виду был
И хил и мал.
Он молча
Скинул полушубок
И в сторону
Бревно убрал!

ПИЛА

Звенела пила
И на солнце
Горела.
Но вот
Заржавела
Она,
Постарела.
Не из-за возраста
Постарела,
А потому,
Что осталась
Без дела.

И ТАК БЫВАЕТ

Любили кошку, холили,
Давали ей обед.
Но как-то вдруг заспорили:
Есть польза в ней иль нет!
Тот спор все продолжается,
А мыши умножаются.

— Наконец-то оформил заявку...

Рисунок М. БИТНОГО

ПРОСТО АНЕКДОТ

Приезжий рыболов-любитель спрашивает встретившегося ему сельского жителя:

— Не скажете, где тут можно поудить рыбу?

— Конечно! Ступайте по этой дороге, там будет надпись: «Проход воспрещен». Пройдете и дальше увидите пруд, а возле него столб с надписью: «Рыбная ловля строго воспрещена». Там лучше всего берет...

Пациент врачу:

— Лекарство ваше мне не помогает. Всю ночь верчусь в кровати и никак не могу уснуть.

— Все ясно. Если вы хотите уснуть, то вам не следует вертеться...

Во время съемки картины режиссер, убеждая актрису войти в клетку со львами, говорит:

— Да вы не бойтесь, львов этих вскармливали молоком.

— Меня тоже,— возразила актриса.— Но теперь я ведь ем мясо!..

— Он уже в том возрасте, когда за девушками бегают только под гору, а в гору — никогда...

— И такому пьянице вы доверили ферму?
— Я думал, что он на молоко перейдет.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Сигналы услышаны

В редакцию поступило письмо о злоупотреблениях ряда ответственных работников Хамчасского района, Азербайджанской ССР. Письмо было направлено в ЦК партии Азербайджана. Секретарь ЦК тов. Х. Везиров сообщает, что при проверке на месте факты, в основном, подтвердились.

За злоупотребление служебным положением бывший начальник стеклотарного цеха консервного завода М. М. Агаларов исключен из партии, директор лесоторгового склада Б. М. Мусаев исключен из партии и снят с работы. На бывшего директора райпромкомбината А. Л. Асланова и директора желдорресторана А. У. Касимова наложены партийные взыскания.

●

Директор Тульского комбайнового завода В. Пушкарев горел нетерпением поскорее отпраздновать свое пятидесятилетие. Юбилей был проведен с большой помпой. Юбиляр благосклонно принимал от работников завода всевозможные дары — пышные букеты цветов, шампанское, адреса и т. п. Так описывалось это «мероприятие» в письме наших читателей из Тулы.

Секретарь обкома тов. Л. Литвинов подтвердил достоверность этих фактов и сообщил, что бюро обкома своим постановлением осудило вредную практику проведения подобных «юбилеев». Пушкареву объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Секретарю парткома завода Прялочникову сделано предупреждение.

●

Читатели неоднократно сообщали Крокодилу о том, что в продаже редко бывают лезвия для бритья и зубные щетки.

Госплан РСФСР и Министерство торговли Российской Федерации признали критику, содержащуюся в письмах читателей, правильной. В 1960 году накопились большие запасы лезвий и зубных щеток. Планирующие органы по требованию торгующих организаций сократили их производство.

Сейчас положение исправляется. Намечено в нынешнем году резко увеличить производство всех перечисленных изделий. В скором времени дискуссии покупателей о том, чем чистить зубы и брить бороду, прекратятся.

●

Из письма рабочих Новолипецкого металлургического завода редакции стало известно, что зам. главного бухгалтера завода тов. Лысенков, используя служебное положение и поддержку руководителей завода, получил коммунальную квартиру, имея прекрасный собственный дом.

При проверке факты подтвердились. За незаконное получение квартиры Лысенков исключен из членов КПСС. Его покровители зам. директора Чернявский, зам. секретаря парткома Ненахов и бывший председатель завкома Еремов получили строгие партийные взыскания.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Карпиков отбивает атаки

Место для строительства дома Аубакир Муканович Карпиков директор совхоза «Дружба», выбрал на славу. Уличка тихая, до конторы совхоза рукой подать, соседей раз-два и обчелся.

Но жена была недовольна:

— В распутицу к дому не проберешься, в грязи утонешь. За водой тащись аллах ведает куда...

— О, дай только срок,— сказал Аубакир Муканович жене,— все будет!

И верно. Не успели построить дом, как совхозные машины засыпали все уличные ухабы. Затем вокруг дома вырос красивый забор. И, наконец, водопроводчики стали прокладывать от совхозной водокачки специальную, так сказать «персональную», водопроводную линию.

Но за этими хлопотами Аубакир Муканович забыл восточную мудрость, гласящую, что, не узнав, кто будет в соседях, нельзя строить дом. И как же он промахнулся!

Дело в том, что соседями директора оказались сорок пять беспокойных и крикливых ребятишек, которых каждое утро приносят жители со всего Чемолгана в дом, стоящий против карпиковского. Сосед — детские ясли.

Узнал об этом Карпиков, лишь когда его посетила заведующая яслями Анна Ивановна Онгарова. Непрошеной-незваной явилась она в кабинет и сразу же огорошила:

— Помогите нам, товарищ директор.

— Чем? — опешил Карпиков.

— Вы вот водопровод к себе домой тянете... Сделайте, пожалуйста, против нашего дома колонку. Умаялись просто таскать воду на коромысле за полкилометра.

И заведующая стала рассказывать, сколько ей надо воды. Сорок пять рубашонок постирать — столько-то ведер, сорок пять порций каши состряпать, да сорок пять киселей, да на мытье полов, да туда-сюда.

— А вы, собственно, чьи будете?— оторвавшись от бумаг, сердито спросил Карпиков посетительницу.— Кто хозяин ваших яслей?

— Райздравотдел...

— А я кто?

— Директор совхоза «Дружба»...

— То-то! — многозначительно поднял палец Аубакир Муканович.— Вот и обращайтесь в свой райздрав...

— Так у нас же и дети рабочих совхоза есть! Двадцать семь из сорока пяти! В их числе сын главного инженера Саша Лынник, сын главного агронома Вова Воронин, сын прораба Сережа Литвинов.

— Мало ли что! Если хотите получить водопровод, исключите из яслей всех, кто не из совхоза.

Так была отбита первая атака. Куда только не обращалась заведующая яслями! И к председателю Чемолганского сельсовета Логвиненко и в Каскеленский райком партии. Ничего не получилось! Карпиков одержал полную победу.

Но соседи-ясельники не унимались. Приходит как-то в контору эта же самая Онгарова, и опять с просьбой: отремонтируйте, мол, печи в яслях.

А тут еще сочувствующие из сельсовета и райкома нажимают: сделай да сделай. Но попробуй сделать — и конца не будет требованиям. И Аубакир Муканович не делает.

Он бы, пожалуй, и пошел навстречу. И воду бы провел и печи отремонтировал. Но вдруг и водой и теплом будут пользоваться не только совхозные дети, а и — страшно подумать—чужие! Несовхозные! Этого Аубакир Муканович никак не может допустить.

И. ВЕРТЕЛЬ

ст. Чемолган,
Казахская ССР.

БРОСАЕТ...

то в жар, то в холод.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ радует людей своим искрометным юмором, выступает против наших врагов с разящей сатирой народный художник РСФСР Иван Максимович Семенов.

Перед вами—уголок выставки произведений И. М. Семенова в залах Союза художников РСФСР.

Новый альбом выпущен Крокодилом в серии «Мастера советской карикатуры». Автор его — один из старейших крокодильцев — К. С. Елисеев.

«НА СЦЕНЕ И РЯДОМ...» немало занятного подсмотрел В. Ардов. Сборник его юмористических рассказов и фельетонов о работниках искусств издан Всероссийским театральным обществом.

«ЗАМУЖЕМ И ДОМА» отличились персонажи новой книжки Ф. Макивчука, которая пополнила Библиотеку нашего украинского собрата «Перца». Туда поступили также рассказы К. Басенко **«БОЖЬЯ БИОГРАФИЯ»** и сборник **«МОЛОДЫЕ ПЕРЧАНЕ»**.

«ПОД КОРЕНЬ» сечет своих «героев» белорусский сатирик М. Скрипка. Подробности — в одноименном выпуске Библиотеки «Вожыка».

«ЗАВЕТНЫЙ БОЧОНОК» Б. Привалова внесен в инвентарную опись Библиотеки «Огонька».

«ВЕСЕЛЫЙ ПЕРЕКУР» — солдатская утеха. Потому так и назван новый репертуар сборника Воениздата. А в Библиотеку журнала «Советский воин» включены морские юмористические рассказы В. Митина **«ПОЛУНДРА»**.

«ИЗБРАННОЕ» классика азербайджанской сатиры М. Сабира обнародовано Азгосиздатом в переводах П. Панченко.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Руководителю СМУ...

Административная комиссия при исполкоме Херсонского Совета депутатов трудящихся направляет Вам постановление комиссии о наложении административного взыскания на гр-на № 1392.

Об исполнении постановления сообщите админкомиссии.

Секретарь админкомиссии
при исполкоме Херсонского
городского Совета депутатов
трудящихся.
(подпись)»

Прислал **С. КРИСТОФОРОВ**

«Михайлов грамотен, в обращении вежлив. К исполнению должности бригадира относится вполне добросовестно. Требователен. Зная его характер, некоторые колхозники работают не за совесть а за страх».

(Из характеристики,
выданной председателем
колхоза «Победитель»,
Псковской области,
тов. Юдиным.)

Копию доставили
В. ПОТАПОВ и А. МАСЛОВ.

пос. Дедовичи,
Псковской области.

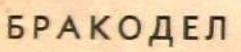
Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

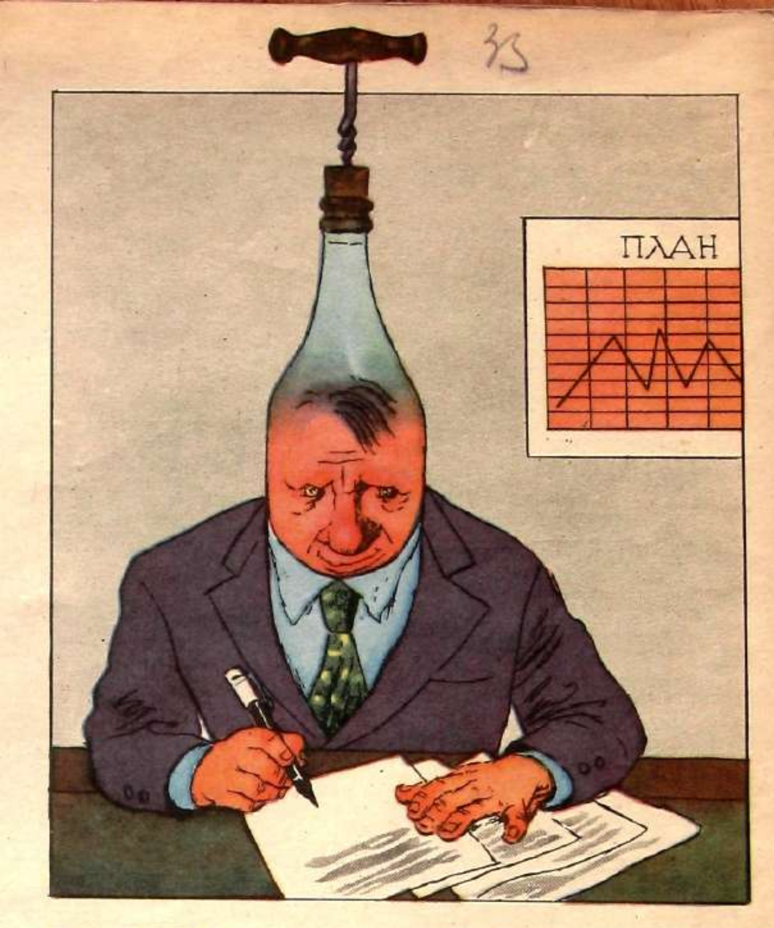
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00019. Изд. № 160. Подписано к печати 29/I 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 188. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

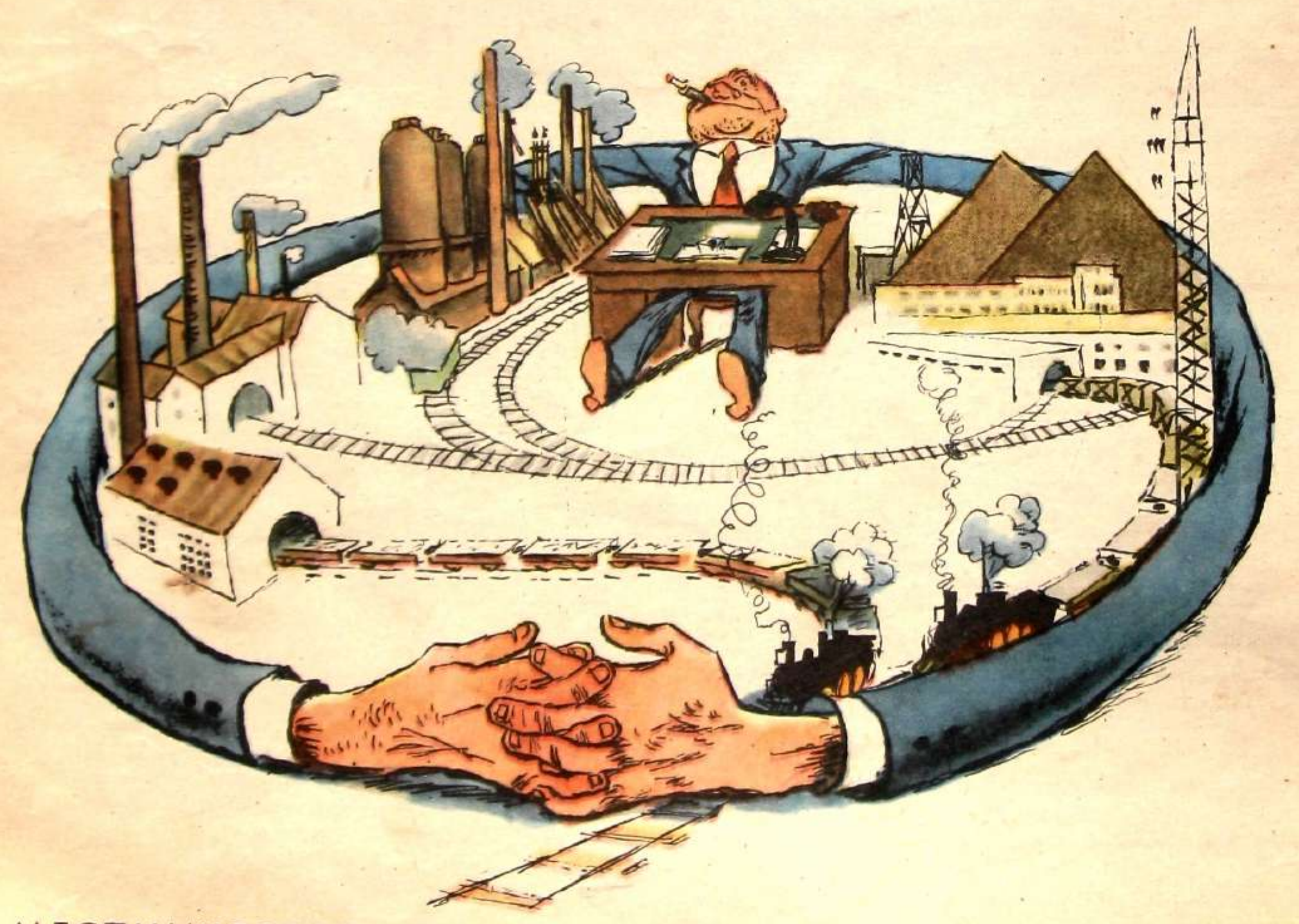
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

БРАКОДЕЛ

ПЬЯНИЦА

МЕСТНИЧЕСТВО

Цена номера 12 коп.

Индекс 70 436